РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 16. 17-го Апрѣля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“: МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к | Безъ достав. въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

Въ пасхальную ночь.

Горитъ огнями Божій храмъ
Кругомъ народъ стоитъ стѣною,
И изъ кадильницъ ѳиміамъ
Клубится синею волною.
Блестятъ хоругви и кресты,
Поютъ молитвы громко хоры,
На все съ небесной высоты
Глядятъ божественные взоры...
„Христосъ воскресъ!“—народъ шепталъ,
Склоняя трепетно колѣни,
И жадно звукамъ міръ внималъ...
Въ тиши надзвѣздной ночи тѣни
Молились всѣ—и младъ, и старъ,
Молились съ вѣрою святою:
Да отразитъ Господь ударъ
Меча надъ русскою землею;
Да освятитъ Онъ русскій мечъ
На страхъ врагамъ и супостатамъ
И пусть вся Русь пойдетъ на сѣчь—
Отецъ и сынъ, и братья съ братомъ.
Пусть встанетъ Русь, какъ и всегда,
Въ защиту вѣры православной
И вспомнитъ прежніе года,—
Года побѣды прежней славной!
Молись, народъ! Тебѣ Христосъ—
Защита вѣрная, опора,
Изсушитъ Онъ все море слезъ
И успокоитъ сердце скоро!
Молись за русскія войска,
Что храбро бьются на Востокѣ,
Вѣдь, жизнь для братьевъ не легка
Въ томъ незнакомомъ имъ далекѣ!
Молись! услышитъ Богъ мольбу,
Твои страдальческіе стоны
И силъ пошлетъ Онъ на борьбу
Съ врагомъ, поправшимъ всѣ законы!
Христосъ воскресъ! Молись, народъ,
Своей молитвой молчаливой
И вѣрь, Христосъ насъ приведетъ
Къ побѣдѣ славной и счастливой...
Христосъ воскресъ! Горятъ лучи
На синемъ фонѣ небосвода,
Къ Христу несутся горячи
Моленья русскаго народа.

Ив. Епифановъ.

СЪ ПРАЗДНИЧНЫМЪ ПРИВѢТСТВІЕМЪ.
Съ картины Г. Бухнера.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ
графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

Когда Анна Тихоновна подробно разсказала все Патрикѣевнѣ, какъ появилась въ домѣ старуха Авдотья, откуда она ее знаетъ и что старуха ей предложила, и зачѣмъ она постилась и говѣла, и какая травка отъ святыхъ мѣстъ находится въ ея рукахъ, — Патрикѣевна тотчасъ-же заявила свое мнѣніе, что это — доброе дѣло. Хоть и такъ все ладится, а все-таки лучше помочь и еще лучше наладить.

Патрикѣевна была всегда того мнѣнія, что княгиня ничего не имѣетъ противъ затѣи своего мужа. По всему, что она говорила, и Патрикѣевнѣ это видно, и, почему Елизавефа Давыдовна говоритъ другое, оно непонятно.

На просьбу Анны Тихоновны сказать, какъ быть, какъ поступить, какую горничную-дѣвку найти, Патрикѣевна заявила, что это—дѣло мудреное, всѣ дворовыя дѣвки въ домѣ наподборъ либо молодыя, веселыя попрыгушки, либо старыя, совсѣмъ глупыя. Поручи эдакое, ни вѣсть что подумаютъ. Всего-бы лучше поручить это Елизавефѣ Давыдовнѣ самой. Но она ничего утаить отъ княгини не можетъ и ей, пожалуй, разскажетъ, а тогда и дѣйствія никакого не будетъ.

Патрикѣевна обѣщалась подумать и что-нибудь надумать.

На другой день мамушка, придя довольно рано къ Аннѣ Тихоновнѣ, весело и даже радостно заявила, что дѣло самое простое. Анна Тихоновна должна ей передать травку отъ святыхъ мѣстъ, а она берется сама положить ее какъ-нибудь подъ подушку княгини.

— Среди дня, — сказала она, — въ спальнѣ княгини никого не бываетъ, а мы съ Мариночкой то и дѣло по корридору ходимъ. Мариночка-то мимо спальни княгини въ день-то разовъ пятьдесятъ пробѣжитъ, часто заглядываетъ и въ спальню: то принести оттуда что-нибудь княгинѣ, то такъ зря. Такъ вотъ либо я, либо сама Мариночка травку въ постель и сунемъ, и никто и знать не будетъ.

— И удивительно это! — воскликнула Анна Тихоновна. — Какъ мнѣ самой на умъ это не пришло? Конечно, всего лучше тебѣ и Маріаннѣ Павловнѣ. И будетъ все скрыто.

И Анна Тихоновна тотчасъ-же достала изъ своей шкатулки розовенькую бумажку со святой травкой и передала ее Патрикѣевнѣ.

Мамушка снесла ее къ себѣ, спрятала, а затѣмъ въ тотъ-же день стала думать о томъ, какъ войти въ спальню княгини и выйти, сдѣлавъ свое дѣло такъ, чтобы ея никто не видѣлъ.

Но этотъ-же, первый день, какъ на зло, княгиня просидѣла въ своей спальнѣ, а, выйдя въ сосѣднюю комнату, оставила дверь открытой.

Мариночка тотчасъ-же замѣтила, что матушка что-то озабочена и стала приставать къ ней. Что да что? А затѣмъ, шаря у няни въ комодѣ, она нашла розовую бумажку, а въ ней травку. Няня была поймана.

Разумѣется, Патрикѣевна, привыкшая всегда все говорить своей питомицѣ, сейчасъ-же разсказала ей все потаенное дѣло, хотя и божеское, а все-таки потаенное. Разсказывала Патрикѣевна долго и подробно, такъ какъ Мариночка сначала ничего понять не могла. Наконецъ, она ахнула и, вспомнивъ что-то, происходившее давно у нихъ въ „Новосельѣ“, выговорила:

— Поняла, поняла! Это—приворотъ, мамушка?

— Что ты? Богъ съ тобой! — воскликнула Патрикѣевна. — Приворотъ — колдовство, а эта травка отъ святыхъ мѣстъ. Анна Тихоновна недаромъ говѣла и Святыхъ Тайнъ причащалась. Такъ нешто колдовство такое бываетъ?

— Не знаю, — задумчиво рѣшила Мариночка, — а все-таки выходитъ что-то похожее.

— Эхъ, дитятко! глупа ты у меня, — вздохнула Патрикѣевна. — А коли нѣтъ?

— А коли нѣтъ, такъ тѣмъ и лучше. А ты давай мнѣ, я живо все состряпаю, сію минуту.

— Нѣтъ, зачѣмъ? что тебя въ это впутывать? Ты молода, пожалуй, нашалишь... сдѣлаешь такъ, что княгиня, какъ ляжетъ почивать, такъ сейчасъ и увидитъ. А надобно простыньку отвернуть и подъ простыньку положить въ томъ мѣстѣ, гдѣ подушка. Такъ указывала Анна Тихоновна.

— Я это сдѣлаю, — оживилась Мариночка. — Дай, пожалуйста. Это любопытно. Родимая, дай!

— Что ты, что ты? не нужно, — отмахнулась Патрикѣевна.

Но Мариночка пристала къ нянѣ.

— Здѣсь такая тоска, матушка, что рада за всякое ухватиться. Я отъ тоски даже и колдовать начала-бы сама и надо всѣми. Надъ сосѣдями даже. Ей-Богу!

— Тьфу! тьфу! — ужаснулась Патрикѣевна, — типунъ тебѣ на языкъ. Скажешь тоже. Вотъ что значитъ молодость и глупость. Я сама все сдѣлаю. А коли мнѣ завтра да опять не удастся, опять какая помѣха будетъ, ну, тогда дѣлать нечего, я тебѣ поручу.

На другой день Патрикѣевна долго бродила по корридору, намѣреваясь и не рѣшаясь войти въ спальню княгини. Наконецъ, рѣшившись, она вошла, но едва только она приблизилась къ кровати и стала отворачивать одѣяло, взялась уже за простыню, какъ голосъ княгини раздался въ этомъ-же корридорѣ. Патрикѣевна перепугалась, какъ если-бы была поймана на преступленіи, заметалась въ спальнѣ и, наконецъ, выбѣжала въ сосѣднюю гостиную, такъ какъ княгиня шла въ спальню изъ корридора.

Елизавета Петровна, войдя къ себѣ, чтобы взять что-то, остановилась и удивилась: одѣяло на ея постели было откинуто.

Понять такого рода явленіе было невозможно.

Первая мысль княгини была все та-же: не худое-ли это предзнаменованіе? Никогда ничего подобнаго въ ея жизни не было. Какъ справятъ постель, такъ она до вечера и стоитъ. А тутъ вдругъ одѣяло откинуто.

Княгиня подошла съ цѣлью поправить одѣяло, но вдругъ остановилась и даже сдѣлала шагъ назадъ.

„Ужъ во всякомъ-то случаѣ, — подумалось ей, — поправлять самой не слѣдъ“.

Она кликнула дѣвушку и велѣла, во-первыхъ, поправить одѣяло, а во-вторыхъ, позвать Лисафу, чтобы поручить ей разслѣдовать, кто и зачѣмъ трогалъ одѣяло.

Лисафа не только стала разспрашивать весь домъ, но, вернувшись въ спальню тайно отъ княгини, вышедшей въ садъ, подняла подушку и простыню. Но, разглядѣвъ все подробно, она ничего не нашла.

„Стало быть, пробовано, да помѣшали, — догадалась она. — Ну, стало быть, скоро все-таки будетъ“.

А затѣмъ женщина успокоила княгиню, говоря, мало-ли что можетъ быть. По всей вѣроятности,

вѣтромъ отпахнуло: окошко было растворено, а вѣтеръ былъ сильный; вотъ онъ приподнялъ одѣяло да и отшвырнулъ.

— Да какъ-же такъ? Вѣтра никакого не было, — замѣтила княгиня.

— Что вы, матушка? какъ не было? сильный вѣтеръ былъ, одну минуту я думала, гроза будетъ, вихрь былъ.

Лисафа, конечно, лгала — никакого вихря не было, стояла самая тихая погода; но, тѣмъ не менѣе, княгиня настолько привыкла вѣрить своей любимицѣ, что только позволила себѣ спросить:

— Какъ-же я этого вихря не примѣтила?

Въ тотъ-же вечеръ Мариночка заявила нянѣ, что такъ ничего не будетъ, что она только напутаетъ, сплохуетъ и все пойдетъ прахомъ. И дѣвушка пристала снова къ Патрикѣевнѣ, чтобы та ей дала все сдѣлать самой. Патрикѣевна уступила просьбамъ Мариночки и согласилась отдать травку.

Мариночка была въ восторгѣ. Ей почему-то особенно нравилось сдѣлать нѣчто очень важное, таинственное, тайкомъ ото всѣхъ. А затѣмъ ей особенно нравилось, какъ будетъ она потомъ ходить и знать, что у нея есть на душѣ скрытое ото всѣхъ.

На другой день Мариночка пристала къ княгинѣ идти гулять въ садъ и добилась своего. Но, едва онѣ вышли въ садъ, княгиня хватилась платка, а дѣвушка вызвалась принести егоизъ спальни.

Бѣгомъ, шибко, козьими прыжками, полетѣла Мариночка въ домъ и пробѣжала корридоръ. Розовая бумажка была уже, конечно, у нея за пазухой. Она подлетѣла къ кровати и въ нѣсколько мгновеній сдѣлала все. Бумажка съ божеской травкой оказалась на матрацѣ подъ простыней, подушка была положена на мѣсто и все сдѣлано чрезвычайно аккуратно и быстро, и порядливо.

Мариночка запрыгала отъ удовольствія и побѣжала въ садъ. На полудорогѣ она вспомнила, что забыла исполнить порученіе княгини, вернулась снова, съ удовольствіемъ поглядѣла на кровать, въ которой она только что орудовала, и, взявъ платокъ, побѣжала снова къ княгинѣ въ садъ.

Въ сумерки Елизавефа Давыдовна, войдя за чѣмъ-то въ спальню княгини, занялась все тѣмъ-же, чѣмъ занималась уже не разъ, т. е., двинулась къ кровати освидѣтельствовать, сдѣлано или еще не сдѣлано. Поглядѣвъ на подушку и на простыню, Елизавефа Давыдовна рѣшила, что еще ничего не сдѣлано, — настолько аккуратно была постлана простыня. Она уже было хотѣла снова покрыть подушку одѣяломъ, но потомъ подумала:

„А если подъ простыней?“

И, поднявъ простыню, она невольно ахнула.

— Готово, — произнесла она и усмѣхнулась отъ радости.

Оправивъ постель, женщина вышла изъ спальни и чувствовала, что она такъ довольна и счастлива, какъ давно не бывала, да врядъ-ли когда и бывала. Самая трудная часть ея ухищреній была исполнена. Теперь оставались пустяки.

— Ну, матушка, Анна Тихоновна, — пробурчала себѣ подъ носъ Лисафа, — бракосочетаніе твоего сыночка съ богачкой, кажется, того... пиши пропало! А зато бракосочетаніе Абрама Михайловича Башкирова стало теперь совсѣмъ поджареннымъ, только въ ротъ клади.

И затѣмъ, уже идя къ себѣ, женщина снова пробурчала:

— Да, я — не дура. А великое дѣло, кому Господь разумъ дастъ. Съ разумомъ все возможно.

XXXIV.

Прошло дня два, и Лисафѣ пришло на умъ, что колдовской приворотъ такъ лежитъ, что княгиня его цѣлый годъ не найдетъ.

„И какъ это мнѣ дурѣ раньше не пришло въ голову?“ — озлилась женщина на самое себя.

Башкирова тотчасъ-же отправилась въ спальню къ княгинѣ и въ одну минуту устроила все. Она достала траву бумажкѣ, переложила ее подъ самую подушку и, кромѣ того, приладила ее такъ, что княгиня должна была неминуемо найти ее въ тотъ-же вечеръ, если только потянетъ къ себѣ носовой платокъ, который всегда клался ей на ночь.

И Лисафа не ошиблась. Все произошло еще раньше и проще, чѣмъ она ожидала. Она думала, что все случится ночью и княгиня перебудитъ весь домъ и пошлетъ за ней, а вышло иначе...

Едва княгиня легла почивать, а любимица стала приводить кой-что въ порядокъ и вынесла въ сосѣднюю комнату ея платье и снятое бѣлье, какъ въ спальнѣ раздался отчаянный крикъ...

Лисафа даже вздрогнула и не сразу догадалась, въ чемъ дѣло. Однако, черезъ мгновенье она сообразила и радостно шепнула:

— Готово!

Она вбѣжала въ спальню и нашла княгиню уже не въ кровати, а среди комнаты въ одной сорочкѣ и босоногую.

— Лисафа! Лисафа! — кричала она.

— Что такое? Что вы? Богъ съ вами...

— Гляди! Вотъ! Вотъ! Красная! Вотъ на полу...

Лисафа увидѣла близъ кровати розовую бумажку, тихо подошла, нагнулась и подняла.

— Чудно! Что это?.. Откуда это? — сказала она.

Княгиня задыхающимся голосомъ объяснила ей.

— Изъ-подъ подушки, говорите?—изумилась Лисафа; затѣмъ она развернула бумажку и ахнула...

Простоявъ недвижно нѣсколько мгновеній и разглядывая травку при свѣчкѣ, Лисафа выговорила вдругъ смущенно:

— Господи, помилуй! Но, вѣдь, это — колдованіе... Ей-Богу! Надъ вами лихой человѣкъ сколдовалъ. Ахъ, Создатель!

— Да... Да... И я тоже... Тоже и я такъ... — невнятно проговорила княгиня.

Языкъ заплетался отъ страха. Отойдя въ уголъ, подальше отъ женщины съ травой въ рукахъ, она опустилась на стулъ, какъ подшибленная. Черезъ минуту, однако, она будто пришла въ себя и начала кричать внѣ себя:

— Уноси... Уходи... Уноси... Дѣвокъ! дѣвокъ! Мѣняй все... Мѣняй... уноси... Иди... иди!..

Черезъ минуту въ спальнѣ былъ содомъ. Четыре горничныя, посланныя Лисафой, мѣняли бѣлье въ кровати и, сами перепуганныя тѣмъ, швырялись и путались...

(Продолженіе будетъ.)

Вернулся.

Разсказъ **Ив. Епифанова.**

I.

ПРИБЛИЖАЛАСЬ Пасха, и село «Заболотное», тихое и мирное во все время Великаго поста, оживилось. На базарной площади раскинулись палатки съ краснымъ товаромъ, стояли возы, на которыхъ вверхъ ногами торчали туши свиней, барановъ и телятъ. Въ сторонѣ отъ площади, на лугу, парни ставили высокія козлы, это—будущія качели на потѣху и усладу сельскихъ красавицъ. Старый сторожъ при церкви, Михеичъ, съ метлой обходилъ храмъ и, гдѣ могъ достать, обметалъ пыль. Все въ селѣ чистилось, прибиралось и ждало великаго праздника.

ПРОБУЖДЕНІЕ ВЕСНЫ. Съ картины **М. Левисъ.**

Была страстная пятница. Медленно, рѣлко звонилъ церковный колоколъ, и на этотъ зовъ длинной вереницей тянулись сельчане въ Божій храмъ. Много набралось ихъ и всѣ они ждали того момента, когда ихъ батюшка, въ предшествіи дьякона, вынесетъ изъ алтаря плащаницу. И этотъ торжественный моментъ наступилъ. Умолкнувшій на короткое время звонъ снова раздался. Онъ былъ еще рѣже, еще протяжнѣе того, которымъ сзывалъ молящихся. Истово крестились прихожане и упали на колѣна, когда изъ сѣверныхъ дверей показался старый пономарь Иванычъ съ подсвѣчникомъ; за нимъ шелъ дьяконъ Іона съ кадиломъ. А вотъ и священникъ отецъ Василій торжественно несетъ на своей головѣ изображеніе Христа.

Торжественно поютъ эти три лица: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ».

Подпѣваютъ имъ собравшіеся, и могучій хоръ голосовъ разносится по площади, вырываясь черезъ окна храма. А медленные, печальные звуки колокола, точно рыдая объ умершемъ Спасителѣ, таютъ въ тихомъ воздухѣ, замираютъ въ отдаленіи и уносятся въ безбрежную даль, въ ту даль, откуда православные не могли придти и поклониться усопшему Христу.

Плащаница положена на мѣсто. Загорѣлись свѣчи и мрачный до этого момента храмъ засверкалъ сотнями огней, а «Святый Боже, Святый крѣпкій» звучно раздавалось подъ куполомъ церкви. Тонкимъ теноркомъ тянулъ Иванычъ, ему вторилъ басъ дьякона Іоны, а нѣжный баритонъ отца Василія покрывалъ эти голоса, покрывалъ хоръ молящихся, всматривающихся въ божественныя черты Искупителя, нарисованныя на шелковомъ платѣ, теперь положенномъ на возвышеніи. Обойдя кругомъ плащаницы и окадивъ ее, отецъ Василій поднялся на амвонъ. Дьяконъ и дьячекъ остались внизу. Всѣ замерли, ожидая словъ своего пастыря, а тотъ, блѣдный, взволнованный, широко перекрестясь, обвелъ молящихся воспаленными отъ безсонныхъ ночей глазами и началъ проповѣдь.

— Братіе!—говорилъ отецъ Василій тихимъ голосомъ:— трудную годину переживаемъ мы, братіе. Супостатъ, какъ тать, напалъ на царство православное, напалъ изъ-за угла и изъ-за угла ведетъ войну съ нами. Много людей погибло за святую Русь, много раненыхъ и изувѣченныхъ вернулось съ далекаго Востока, всѣхъ ихъ съ любовью и лаской приняли православные, какъ за дѣтьми ухаживали за ними. Ни стона, ни недовольства не слыхали мы отъ вернувшихся богатырей русской земли. Они—плоть отъ плоти нашей, они—кровь отъ крови нашей, кость отъ костей нашихъ.—Голосъ отца Василія крѣпъ и гулко разносился въ храмѣ.—Мы-ли, православные, не переносили тягостей войны, мы-ли не испытывали Провидѣніе Господне? Но Господь былъ всегда съ нами и нынѣ не отринетъ лица Своего отъ страждущаго народа русскаго. Были Мininы, были Пожарскіе, въ годину бѣдствій русской земли они спасали Русь, а теперь мы всѣ должны стать этими героями, забыть все и все принести на алтарь отечества. Знаю, братіе, что многіе изъ васъ не досчитываются въ своихъ семьяхъ отцовъ, мужей и сыновей, но вѣрьте, братіе, всѣ они, положившіе животъ свой на защиту родины, уготовали себѣ святой вѣнецъ въ Царствѣ Божіемъ. Вся Русь молится за нихъ, поминаетъ ихъ въ святыхъ молитвахъ, и легко дѣлается убіеннымъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни воздыханія. Если Мининъ въ годину бѣдствій хотѣлъ заложить жену и дѣтей, неужели мы, православные, не пойдемъ по той-же стезѣ? Пойдемъ, братіе! слава отечества—наша слава, его горести—наши горести, его печали—наши печали, его радости—наши радости. Да не убоимся-же, братіе, забудемъ все и будемъ жить лишь надеждой на то, что врагъ хотя и силенъ, но противъ Руси православной съ ея доблестными сынами не устоять ему. Помолимся, братіе, по убіеннымъ, вѣчная память имъ, помолимся и за живыхъ, дабы съ чистой вѣрой шли они на защиту святой правды, попранной супостатомъ. Аминь.

Отецъ Василій повернулся къ закрытымъ царскимъ вратамъ и, опустившись на колѣна, молча творилъ молитву.

Присутствующіе также склонили колѣна и горячо молились. Кой-гдѣ слышались всхлипыванія, а у многихъ на глазахъ блестѣли слезы.

Служба была кончена. Съ благословѣніемъ приложившись къ плащаницѣ, народъ выходилъ изъ церкви и, разбившись на кучки, расходился по домамъ.

Не прошло послѣ этого и получаса, и базарная площадь загудѣла. Возы были раскрыты, шалаши распахнули свои двери и торговля началась.

— Эхъ, вотъ продалъ-бы кому!—кричалъ молодой парень около шалаша и развертывалъ предъ глазами собравшихся бабъ коричневый шерстяной платокъ съ невѣдомыми цвѣтами,—кому къ лицу, подходи, не бойся, дешево отдамъ, себѣ въ убытокъ, лишь-бы угодить.

— Почемъ?—подошла какая-то молодуха и пощупала платокъ.

— Съ тебя, краля писаная, свою цѣну возьму.

— А сколько?

— Двѣ полтины съ четвертакомъ...
— Эва!
— Ей-ей, себѣ въ убытокъ! Да тебѣ, можетъ быть, не нравится, такъ у насъ выборъ большой.

Парень, словно фокусникъ, сразу развернулъ десятокъ платковъ и тѣ, какъ радуга, запестрѣли предъ глазами покупательницъ.

— Вотъ они. Одинъ другого лучше! Такъ и быть, за двѣ полтины съ пятакомъ любой! Кто хочетъ?

Покупательницы нашлись и платки были разобраны.

Похожія на эту сцену происходили и у другихъ импровизированныхъ лавокъ съ краснымъ товаромъ.

На возахъ тоже шла бойкая торговля. Но здѣсь покупки дѣлали степенныя, пожилыя женщины.

— Какъ цѣна убоинкѣ-то?—спрашивала одна изъ женщинъ, осматривая возъ.

— Которая? Телятина—восемь копеекъ. баранина—шесть, ну, а поросятину можно и за семь отдать!..

— Ой, дорого!

— Товаръ, бабушка, хорошъ. Ежели теперь щи изъ свинины—языкъ проглотишь...

— Мнѣ-бы баранины.

— Можно. И изъ баранины щи важныя будутъ, въ особенности ежели въ нихъ хвость положить. Наваръ эва какой будетъ, прямо янтарь!

— Ты зубы-то не заговаривай, а говори настоящую цѣну.

— Шесть копеекъ!

— Не уступишь?

— Не въ убытокъ-же, кума, торговать? Себѣ пять съ четвертью!

— Ну, такъ и наживи на фунтѣ-то грошъ: отдай по пять съ половиной.

— Никакъ невозможно.

— Тогда не надо.

— А сколько. купчиха, тебѣ надо?

— Да я-бы передокъ-то взяла.

— Передокъ? Весь?

— Знамо, весь. Семья у насъ большая.

— Гм... Что-жъ, пожалуй! Уступлю.

И почти половина бараньей туши уже лежитъ на вѣсахъ.

— Сколько?

— Безъ восьмой шестнадцать.

— Считай.

— Чего считать-то? Ровнымъ счетомъ девять гривенъ.

— Ой, много!

— Въ аккуратъ.

— Ну, получай!

Къ вечеру торговцы почти распродали свой товаръ и теперь торопливо запрягали лошадей, чтобы къ Свѣтлому празднику быть дома. Торговцы, усаживаясь на телѣ и, набожно крестились на виднѣвшійся въ вечернихъ сумеркахъ церковный крестъ.

Была уже готова къ отъѣзду послѣдняя подвода и хозяинъ ея подбиралъ возжи, чтобы лѣзть на облучекъ. Въ это время къ телѣгѣ подошла женщина, съ ребенкомъ на рукахъ и ведя другого за руку.

— Здравствуй, Архипъ Кузьмичъ, — произнесла подошедшая.

— Кто тутъ? — всматриваясь въ темноту, спросилъ торговецъ.

— Я, Архипъ Кузьмичъ... Домна.

— А-а! Здравствуй, Домнушка, здравствуй, милая.

— Къ тебѣ я, Архипъ Кузьмичъ...

— Съ чѣмъ, родимая? Радъ помочь. Помню твою доброту да ласку. Какъ большакъ-то дома былъ, какъ ты привѣчала насъ... Бывало, безъ самовара не отпустишь...

— Забыла ужъ я про это, Архипъ Кузьмичъ.

— Э-э! Милая! Ты-то забыла, да я-то не забылъ.

— Отпусти, Архипъ Кузьмичъ, убоинки въ долгъ. Праздникъ, а у меня... ничего...

Домна заплакала.

— Не плачь, Домнушка... все это мы обдѣлаемъ. Чѣмъ Богъ послалъ, съ тобой подѣлюсь. Жаль, что ты днемъ не пришла, а теперь оборыши остались.

— Стыдно было, Архипъ Кузьмичъ.

— Вѣрно, бабинька, вѣрно... Ну, да ладно, подѣлюсь.

Архипъ Кузьмичъ открылъ покрывавшую телѣгу рогожу и вытащилъ изъ-подъ нея ногу баранины.

— Вотъ, Домнушка, на твое счастье, остатокъ. Есть еще головка свиная и ее бери.

— Спасибо, Архипъ Кузьмичъ.

— Эхъ-ма!—почесалъ тотъ затылокъ,—масла-то не осталось, а безъ масла какое жаркое.

— Я сварю баранинку-то,—шептала Домна.

— Оно, конечно, можно и сварить, а только опять нѣтъ у меня никакой овощи.

— Сольцы-бы только, Архипъ Кузьмичъ.

— Сольцы? Этого можно. Эй, ты, парнюга, — обратился Архипъ къ сыну Домны,—давай картузъ.

Мальчуганъ стащилъ съ головы рваную шапку и въ ней скоро заблестѣла соль.

— Спасибо, Архипъ Кузьмичъ,—кланялась Домна.

— Не за что, милая, не за что! Самъ-то твой съ войны вернется, такъ я знаю, что ты въ долгу не останешься. Ты вотъ что, Домнушка, сходила-бы ты къ попадьѣ, женщина добрая, поможетъ! и маслица дастъ, и картошечки отмѣритъ, и крупицы отсыплетъ.

— Я ужъ была у нея...

— Ну-ну, и что-же?

— Всего дала.

— Истинно, святая женщина... Ну, значитъ, Домнушка, и ты съ праздникомъ. Встрѣчай веселѣе. Прощай... й, вы!— крикнулъ онъ на лошадей и скрылся въ наступающей темнотѣ.

Радостно поплелась домой и Домна. Теперь для Свѣтлаго Христова Воскресенья она была обезпечена—и она встрѣтитъ праздникъ, какъ всѣ люди, разговѣется и ребятъ накормитъ.

— Степушка, не разсыпь соли-то!

— Нѣтъ, мамка, я крѣпко держу.

ВЕСНА ЛЮБВИ. Съ картины **В. Циргесъ**.

Вотъ и изба Домны. Небольшая, но крѣпкая, она терялась среди богатыхъ сельскихъ домовъ, но все-же по этой избѣ, по тѣмъ бревнамъ, изъ которыхъ она была сложена, видно было, что ее строилъ хозяйственный человѣкъ. Взойдя на крыльцо и отворивъ двери въ сѣни, Домна прошла въ избу и зажгла дешевенькую лампу, которая освѣтила почернѣвшія стѣны, давно не бѣленую печку, палати и лавки, расположенныя вдоль стѣнъ.

— Степушка,—обратилась Домна къ мальчугану,—повозись съ Настей-то... или спать уложи. Настенька, поди къ братцу. Хочешь?

Дѣвочка протянула рученки и обняла ими шею Степы, который завернулъ сестренку въ кацавейку и сѣлъ съ ней на лавку.

— Бай-бай!—залепетала Настя.

Степа живо устроилъ постель въ углу и, уложивъ на нее сестренку, самъ прикурнулъ около нея и скоро оба крѣпко заснули.

А Домна еще долго возилась около печки, мыла баранину, опалила свиную голову, перемыла крупу, приготовляясь къ завтрашнему дню. Было уже поздно, когда Домна закончила свои приготовленія и, горячо помолясь, улеглась на полу около спящихъ дѣтей.

Но долго не спалось Домнѣ. Въ головѣ ея проносились мысли о томъ времени, которое прошло. Ей вспомнилась прошлая Пасха, которую она встрѣчала вмѣстѣ съ мужемъ. Какъ хорошо было! Но Пасха прошла и въ маѣ ея Степана, въ качествѣ запасного, взяли на войну. Вмѣстѣ съ другими отправился Степанъ изъ родного села въ далекую страну. Горько плакала Домна, провожая мужа, оставаясь въ домѣ одна съ двумя дѣтьми на рукахъ. Напрасно утѣшалъ Степанъ жену, обѣщая ей писать, та неутѣшно рыдала. За годъ хозяйство упало, накопились недоимки и Домна день ото дня бѣднѣла. Правда, она не ходила въ «кусочки», но все-же ей было тяжело справляться съ хозяйствомъ. А сердце ныло по мужѣ; отъ него Домна получила всего два письма, въ которыхъ онъ сообщалъ, что пока живъ, чего и Домнѣ желаетъ. И думается теперь Домнѣ: что-то онъ, Степанъ, дѣлаетъ теперь въ святыя ночи среди боевой обстановки?

— Господи, помилуй и сохрани!—шепчетъ Домна, крестится и засыпаетъ тревожнымъ сномъ.

Тихая ночь спустилась надъ «Заболотнымъ». Міріады звѣздъ раскинулись на голубомъ шатрѣ небеснаго свода; трепетно мерцаютъ многочисленные огоньки въ окнахъ храма, гдѣ около плащаницы горятъ сотни свѣчей, обливая желтоватымъ мерцаніемъ свѣта тѣло Спасителя. Все спитъ, все отдыхаетъ въ ожиданіи великаго праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ душахъ у всѣхъ разлита радость, та радость, которая наполняетъ человѣка послѣ тяжелыхъ испытаній въ предвѣдѣніи свѣтлаго будущаго. А Воскресеніе Христово — развѣ не свѣтъ?

II.

Всю страстную субботу «Заболотное» чистилось, мылось и готовилось къ встрѣчѣ Свѣтлаго праздника. Домна также вымыла свою избу, смахнула пыль въ углахъ, убрала паутину, сварила изъ баранины похлебку, сварила и застудила свиную голову и только къ вечеру присѣла на лавку, что ы немного отдохнуть.

Въ сѣняхъ послышались шаги и черезъ минуту въ избу вошелъ Михеичъ.

— Здравствуй, Домнушка, — проговорилъ онъ, перекрестясь.

— Здравствуй, дѣдушка...

— Вотъ матушка тебѣ яичекъ прислала. Немного, а все-же разговѣться есть чѣмъ.

— Добрая она у насъ, дѣдушка!

— Чего добрѣе, особливо для ребятъ, а у тебя ихъ пара, вотъ она и того... заботится. Ты спрячь яйца-то. Тутъ пятокъ, и всѣ крашеныя.

— Спасибо! Богу помолюсь за матушку.

— Что-жъ, это должно—она стоитъ.

— Присядь, отдохни.

— Некогда, Домнушка, скоро на колокольню лѣзть. Прощай пока. Къ заутренѣ-то придешь?

— Приду.

— То-то!

Михеичъ ушелъ. Ночь незамѣтно наступала. Уложивъ Степу и Настю, Домна причесалась, одѣла кое-какъ сохранившійся сарафанъ и накинула на голову платокъ. Она была готова идти въ церковь, которая яркимъ бѣлымъ пятномъ вырисовывалась на темномъ фонѣ неба. Слышался скрипъ подъѣзжающихъ телѣгъ съ далекими прихожанами. Площадь предъ церковью наполнялась. Вотъ прошелъ въ церковь дьячекъ Иванычъ, за нимъ прошелъ дьяконъ Іона и медленно прошествовалъ отецъ Василій. Толпа хлынула вслѣдъ за ними и скоро храмъ Божій былъ переполненъ молящимися.

Гулко раздался первый ударъ колокола. Далеко-далеко разнесся онъ въ сонномъ, тихомъ воздухѣ и замеръ. Его смѣнили другой, третій, и веселый звонъ съ переборами, на которые былъ мастеръ Михеичъ, наполнилъ окрестность. Пошелъ крестный ходъ, замелькали свѣчи, заблестѣли зажженныя вокругъ храма плошки. Колышутся хоругви, горятъ свѣтлыя ризы духовенства, а «Христосъ воскресе» радостно несется въ воздухѣ, поднимается все выше и выше и, кажется, долетаетъ до небесъ, гдѣ на тронѣ возсѣдаетъ Господь Савао̀ѳъ вмѣстѣ со Своимъ возлюбленнымъ воскресшимъ С номъ, Который «смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ».

Вотъ уже отецъ Василій въ церкви. Медленно обходитъ онъ молящихся, поздравляя всѣхъ и громко говоря: «Христосъ воскресе». Словно вздохъ облегченія слышится въ отвѣтъ на это привѣтствіе, но въ этомъ вздохѣ можно разобрать тихое, но радостное «Воистину воскресе».

Среди молящихся пріютилась и Домна. Въ сторонкѣ стоитъ она, набожно крестится, а взоръ устремленъ туда, къ высокому куполу, гдѣ Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ кротко смотритъ на нее, на страдалицу Домну, и, кажется, шлетъ съ высоты миръ и успокоеніе ея мятущейся душѣ.

Богослуженіе шло своимъ чередомъ. Но вотъ толпа въ дверяхъ колыхнулась. Тихій шепотъ прошелъ по церкви и задніе ряды невольно оглянулись на притворъ. Тамъ среди тихо разступавшейся толпы пробирался впередъ человѣкъ въ сѣрой шинели. Высоко надъ головой онъ держалъ въ рукѣ фуражку съ краснымъ околышемъ и кокардой, другая рука была на перевязи. На груди на черной съ желтыми полосками ленточкѣ красовался бѣленькій крестикъ святого Георгія. Пока человѣкъ въ сѣрой шинели шелъ среди заднихъ рядовъ гдѣ стояли прихожане изъ болѣе отдаленныхъ деревень, его никто не останавливалъ, да и самъ шедшій, всматриваясь въ лица окружающихъ, молчалъ. Но вотъ онъ посреди церкви, около него сѣдой, какъ лунь, старикъ.

— Христосъ воскресе!—слышитъ старикъ надъ головой и повертывается.

— Воистину воскресе! — отвѣчаетъ онъ и тянетъ свои губы къ незнакомому человѣку.

Похристосовались.

— Аль не узналъ, дѣдушка Пахомъ? — спрашиваетъ военный.

— Не... Да неужто Степанъ?

— Я, дѣдушка, я!

— Вернулся? Ну, слава Богу, слава Богу. Помолимся.

Кончилась служба. Брезжилъ разсвѣтъ и яркимъ полымемъ вспыхивала утренняя заря. Въ воздухѣ потеплѣло. Всѣ вышли изъ церкви на улицу. Уже въ церкви шепотомъ передавали другъ другу заболотинцы, что Степанъ вернулся съ войны, вернулся съ Георгіемъ. Но, какъ и всякая радостная вѣсть, она не долетѣла до Домны, грустно смотрѣвшей на радостныя лица людей.

Къ ней подошелъ Пахомъ.

— Домна, слышь,—заговорилъ онъ,—Степанъ вернулся.

— И полно, дѣдушка...

— Вѣрно, говорю. Да развѣ ты не видала?

— Нѣтъ!

— Ахъ, грѣхи! Вонъ онъ, видишь, вонъ въ притворѣ.

Дѣйствительно, Степанъ выходилъ изъ церкви, окруженный односельчанами. Забросанный вопросами, Степанъ еле успѣвалъ отвѣчать, а самъ зорко всматривался въ толпу, ища дорогое лицо своей Домны; та-же, увидѣвъ загорѣлаго воина, скорѣе почувствовала, чѣмъ узнала своего мужа. Бѣгомъ бросилась она къ выходу и догнала мужа на паперти.

— Степушка!—крикнула она и бросилась на шею мужа.

— Домнушка, родная! — шепталъ Степанъ, обнимая ее.— Здорова?

— О, что мнѣ?.. Ты-то, соколикъ, вернулся! Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе!

Степанъ и Домна крѣпко обнялись.

— Что, Домна, не чаяла, думаю, на праздникѣ такой праздникъ встрѣтить?—говорили одни.

— Вотъ это—радость, такъ радость!—вторили другіе.

— Дѣйствительно! — подхватывали третьи и кольцомъ окружали Степана и Домну.

— Дѣтки-то, Степанушка, какъ рады будутъ!

— Не узнаютъ они меня, Домна!

— Узнаютъ, касатикъ, узнаютъ, сердцемъ поймутъ.

Окруженные толпой, Домна и Степанъ медленно подвигались къ своему дому, около котораго стояла подвода.

— Это кто еще?—спросила Домна.

— А это я пріѣхалъ. Гостинцевъ тебѣ привезъ. Милости прошу дорогихъ гостей разговѣться,—обратился Степанъ къ провожающимъ.

— Мы ужъ послѣ,—загуторила толпа,—послѣ, Степанъ Пантелеичъ.

— Милости прошу, милости прошу.

Широко перекрестившись, вошелъ Степанъ въ избу и радостно бросился къ Степѣ и Настѣ, сидѣвшимъ за столомъ,

на которомъ стояли ветчина, сыръ, бутылка съ какимъ-то виномъ, лежали куски пирога, коробки.

— Степушка!—крикнула Домна,—откуда это?

— Генералъ наградилъ, съ которымъ я съ Дальняго Востока вернулся. «Возьми,—говоритъ,—тебѣ въ деревнѣ къ празднику пригодится»... Ну, оно, конечно, и пригодилось.

— Здравствуй, Степа!

Степанъ поднялъ сына и крѣпко поцѣловалъ его. Удивленными глазами смотрѣла Настя на чужого дядю, но потомъ вдругъ засмѣялась и потянулась ручонками.

— Тятя, тятя!—кричала она.

— Онъ, Настенька, онъ,—шептала Домна,—тятька твой.

А щетинистые усы Степана уже щекотали личико его дочурки.

Всѣ усѣлись за столъ и мирная бесѣда потекла между мужемъ и женой.

Много поразсказалъ Степанъ про войну. Разсказалъ про Ляоянъ, про Мукденъ и про то геройское дѣло, за что ему самъ главнокомандующій надѣлъ Георгіевскій крестъ.

Всѣ односельчане перебывали въ степановой избѣ и всѣмъ онъ долженъ былъ повторять разсказъ про войну.

Часовъ около двухъ въ избу Степана прибѣжалъ дьячекъ Иванычъ.

— Христосъ воскресе, Степанушка,—прошамкалъ онъ,—батюшка къ тебѣ собирается.

— Милости прошу.

— Да вотъ и онъ.

На крыльцо входилъ отецъ Василій въ сопровожденіи дьякона Іоны.

Степанъ вышелъ навстрѣчу и похристосовался съ ними.

Отслужили молебенъ.

— Присядьте, батюшка,—предложилъ Степанъ.

— Присяду, присяду. А ты разскажи, какъ тамъ у насъ, а?

— Что, батюшка, разсказывать-то вамъ, вы газеты читаете, все знаете.

— Ну, а за что крестъ получилъ, разскажи.

— Да ѣхали мы съ пріятелемъ за фуражемъ. Вдругъ, глядимъ, на насъ японцы скачутъ.

— Много?

— Порядочно. Укрыться намъ негдѣ. Я и говорю товарищу, что, молъ, все равно пропадать, рѣзанемъ ихъ, а тамъ видно будетъ. «Хорошо»,—говоритъ. Ну, японцы на насъ, а мы къ нимъ. Ошалѣли желтолицые. Хотя и видятъ, что насъ двое, а ихъ много, остановились. Мы это шашки наголо и давай крошить. Японцы бѣжать, мы за ними. Двоихъ въ плѣнъ взяли. Да когда уже обратно отъѣжали, кто-то изъ нихъ пальнулъ: товарищу ногу повредили, а мнѣ руку...

— Самъ главнокомандующій, говоришь, крестъ-то далъ?

— Самъ.

— Ишь ты. Ну, радъ, радъ за тебя!

Вечеромъ пришла матушка, про доброту которой уже успѣла разсказать Домна.

— Спасибо тебѣ, матушка, за доброту твою,—бросился Степанъ въ ноги попадьѣ.

— Полно, полно, что ты! Не за что! Отъ достатковъ давала.

— Спасибо!

Пріѣзжалъ и Архипъ Кузьмичъ, прослышавъ про возвращеніе Степана, и радовался его пріѣзду.

А звонъ колоколовъ гудѣлъ по селу «Заболотному» и этимъ радостнымъ звономъ словно привѣтствовалъ вернувшагося съ войны героя.

КОНЕЦЪ.

Въ святые дни.

Огнями залитъ Божій храмъ,
Несутся радостные звуки
Туда, къ высокимъ небесамъ,
Гдѣ нѣтъ страданій, скорби, муки,
Гдѣ нѣтъ борьбы, страстей и грезъ,
Гдѣ нѣтъ печалей, нѣтъ волненій,
Гдѣ нѣтъ тяжелыхъ, жгучихъ слезъ,
Для сердца тяжкихъ впечатлѣній,—
Туда несутся всѣ мольбы
Отъ православнаго народа
Въ дни горькихъ бѣдствій и борьбы
Братоубійственнаго года.
Вездѣ клубится фиміамъ,
«Христосъ воскресе» раздается,
А на поляхъ манчжурскихъ, тамъ
За Русь святую воинъ бьется.

Молись-же, Русь, чтобъ въ той борьбѣ
Въ день Воскресенія Христова
Богъ всемогущій далъ тебѣ
Въ защиту ангела святого;
Чтобъ ангелъ съ огненнымъ мечемъ
Стоялъ на стражѣ православья
И надъ кичащимся врагомъ
Раскинулъ знамя отъ безславья;
Чтобъ врагъ, поникши головой
И позабывъ свою гордыню,
Позналъ, что вѣры нѣтъ иной,
Какъ вѣра въ Божью благостыню,
Что вѣра та — покровъ святой,
Въ нее вся Русь святая вѣритъ
И глубины всей вѣры той
Иноплеменникъ не измѣритъ.

Ив. Т—славичъ.

Послѣдняя Пасха.

(Набросокъ изъ портъ-артурской жизни.) **Н. Кононова.**

II.

Христосъ воскресе!

И одного огонька не было видно ни въ Старомъ, ни въ Новомъ Артурѣ въ святую пасхальную ночь.

Крѣпость и городъ были объявлены еще 28-го января на военномъ положеніи и зажигать огни, даже въ домахъ, строго воспрещалось.

Вѣдь, какая-нибудь ничтожнѣйшая свѣтовая точка могла привлечь вниманіе невидимаго, но зорко слѣдившаго за крѣпостью врага, помочь ему ориентироваться и при первомъ-же бомбардированіи бить изъ своихъ чудовищъ-орудій по заранѣе намѣченному мѣсту.

Однако, въ непроглядную темноту были погружены только артурскія улицы и площади. Огонь былъ зажженъ повсюду въ домахъ и квартирахъ, но окна ихъ были наглухо закрыты ставнями, такъ что наружу изъ-за нихъ не проникало ни одного луча свѣта.

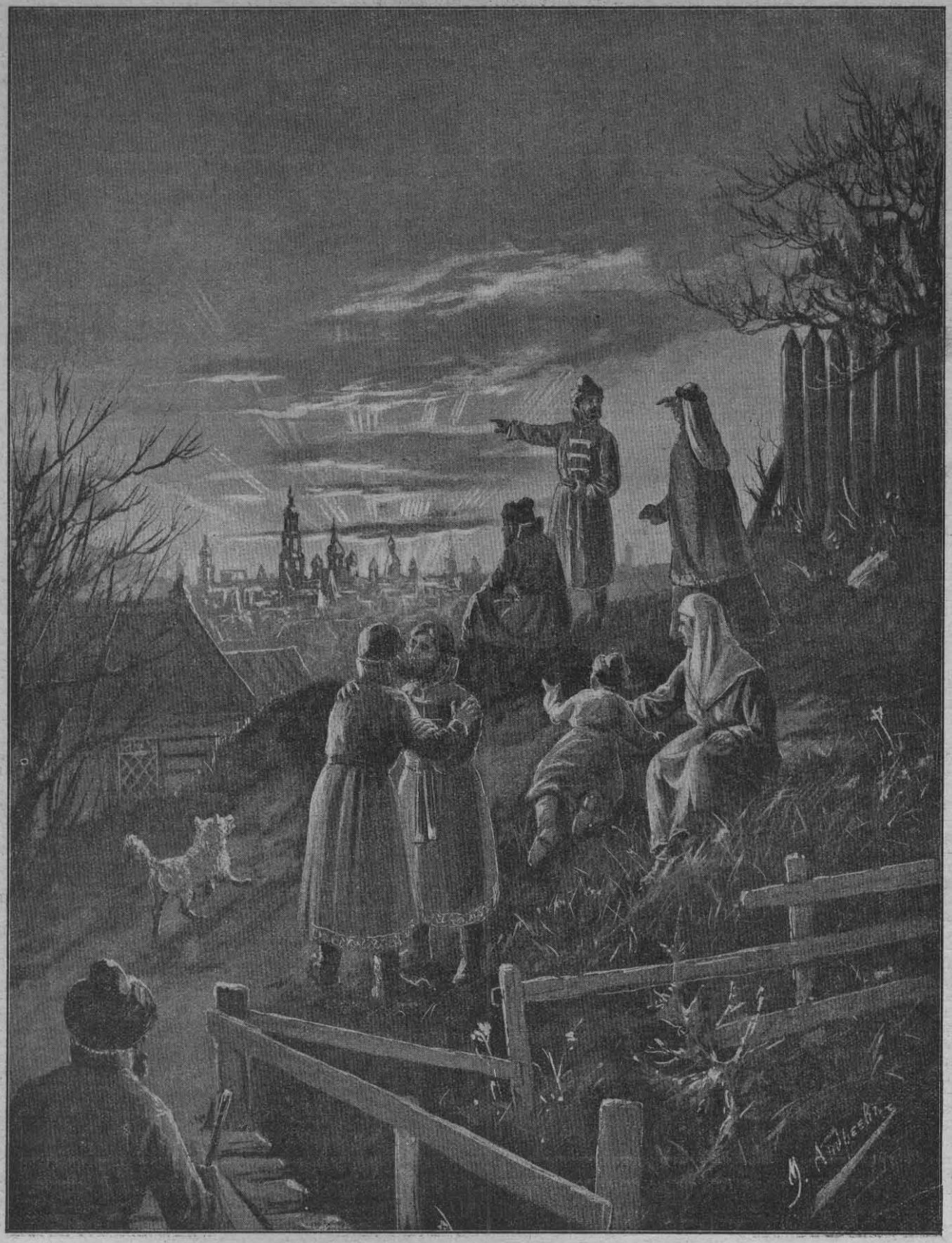
Тамъ, во всѣхъ этихъ погруженныхъ въ темноту домахъ, жизнь такъ и кипѣла...

Праздникъ здѣсь чувствовался во всемъ. Почти вездѣ были накрыты столы, уставленные всякою праздничною снѣдью. Разговѣнье шло своимъ обычнымъ порядкомъ.

Однако, пасхальный звонъ несся надъ Артуромъ не радостно, не торжествующе, какъ всегда звучатъ колокола православныхъ храмовъ въ эту великую, святую ночь, а робко, заглушенно, едва слышно... Солдатики-звонари сами старались умѣрять удары языка, вызывая изъ мѣди какъ можно менѣе звука. Обычный въ прежніе годы торжественно-радостный крестный ходъ проходилъ торопливо. Не сіяли своимъ, раздуваемымъ вѣтеркомъ, пламенемъ сотни свѣчей въ рукахъ богомольцевъ; даже свѣча въ фонарѣ, предносимомъ запрестольному кресту, горѣла тускло, какъ-будто и ее задавливала кромѣшная тьма этой непроглядной ночи. Не горѣла, какъ прежде, веселая, праздничная иллюминація, не грохоталъ пушечный салютъ, возвѣщая всѣмъ о великой побѣдѣ вѣчной жизни надъ земною смертью. Только лучи прожекторовъ съ обрѣзанной вершины Золотой горы безостановочно прорѣзали тьму, скользили по замершей поверхности моря, скрещивались другъ съ другомъ, расходились, перепрыгивали черезъ погруженное во мракъ пространство, замирали на мгновеніе на одной какой-нибудь точкѣ и опять начинали бродить, рѣжа своего врага—кромѣшный мракъ.

Еще задолго до начала заутрени Максимъ Леонтьевичъ забрался въ госпиталь, гдѣ былъ Крупенскій, и тамъ съ помощью двухъ-трехъ служителей и свободной отъ труда въ палатахъ сестры милосердія разстанавливалъ на передвижныхъ столахъ куличи, пасхи, раскладывалъ окрашенныя яйца, толстые ломти всякаго мяса.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Оригин. рис. **В. Зауерлендера.**



„СОЛНЦЕ ИГРАЕТЪ". ПАСХАЛЬНОЕ УТРО ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ. Оригин. рис. М. Андреева.

Предполагалось распредѣлить эти столы по палатамъ, какъ только пройдетъ крестный ходъ.

— Ну, кажется, все хорошо!—воскликнулъ Токаревъ, отходя и любуясь украшенными столами.

Все на нихъ глядѣло и красиво, и аппетитно. Куличи были убраны цвѣтками изъ разноцвѣтной бумаги, пасхи казались прямо горами, между тарелочками съ крашенными яйцами лежали груды папиросъ; на огромныхъ подносахъ насыпаны были груды всякихъ лакомствъ. Вездѣ — и въ куличахъ, и въ пасхахъ—были понатыканы тоненькія восковыя свѣчечки.

— Какъ вы, сестрица, думаете?—переспросилъ Токаревъ, —обрадуются ваши-то?

— Еще-бы!—весело отвѣтила сестра, молодая, красивая женщина съ истомленнымъ отъ безсонныхъ ночей лицомъ,— они тамъ, въ палатахъ, ждутъ не дождутся.

— Пронюхали?

— Сейчасъ-же!.. Ожиданія-то сколько!.. Словно дѣти малыя, ждутъ... Даже на что трудные, и тѣ встрепенулись...

— И трудные?

— Право! Словно имъ вдругъ полегчало... Оно такъ и есть: развлеклись немного, о боли позабыли, другимъ мозгъ занялся и смерть какъ-будто отошла. Хорошее вы дѣло сдѣлали, Максимъ Леонтьевичъ!

— Ну, ужъ и хорошее...

— Правда, правда, вы не конфузьтесь! Что хорошо, то хорошо... Много радости этимъ бѣднякамъ будетъ... Вѣдь, имъ что? Имъ не кусокъ дорогъ... сыты, слава Богу, пока, а вотъ ласка, память—вотъ что ихъ и бодритъ, и утѣшаетъ.

— Такъ это... Ласка, дѣйствительно, многому помогаетъ... А японцы у васъ что?

— Что-же они?

— Трое у васъ ихъ?

— Неукротимые люди... Просто вѣрить не хочется, что такіе могутъ быть...

— А что-же?—спросилъ Максимъ Леонтьевичъ, убирая бумажными цвѣтами куличъ.—Вы, сестричка, вотъ этотъ большой розанъ къ той пасхѣ подшпильте, пасха-то невзрачная, такъ цвѣтокъ ее и скраситъ...

— Хорошо... Вотъ такъ!—украсила молодая женщина цвѣткомъ некрасивую пасху.—А эти несчастные островитяне, въ самомъ дѣлѣ, какіе-то особенные люди.

— Злобны, что-ли?

— Безмѣрно злобны и злоба ихъ прямо-таки непонятная... Съ добромъ подходишь, перевязку перемѣнить или лекарство несешь, такъ глядятъ, какъ-будто убить хотятъ... Такъ и думаешь—вотъ-вотъ кинется...

— И кинулись-бы, Варвара Павловна,—замѣтилъ одинъ изъ служителей,—кабы силенки имъ поболѣ — непремѣнно кинулись-бы... Шипятъ, когда подходишь, словно змѣи, съ опаской и руки протягиваешь: боязно, что какъ укуситъ?

— Ужъ и укуситъ!—засмѣялась сестра,—этого-то они не сдѣлаютъ, а я всегда боюсь, какъ-бы они головъ себѣ не размозжили...

— До того, стало быть, ихъ остервенѣніе?—спросилъ Токаревъ.

— Именно остервенѣніе, безуміе какое-то... Ну, въ бою это еще понятно, а тутъ, въ госпиталѣ, гдѣ за ними ухаживаютъ, страданія имъ облегчаютъ — право, непонятна эта злоба... Что сдѣлала такому субъекту, напримѣръ, я, или онъ,—указала Варвара Павловна на санитара,—а именно насъ ненавидитъ, и ненавидитъ, я увѣрена, вполнѣ искренне!

— Народъ ужъ такой!—проговорилъ Максимъ Леонтьевичъ,—бывалъ я и въ Нагасакахъ, и въ Іокогамѣ, и въ Кобе, видѣлъ ихъ совсѣмъ близко... Все это у нихъ съ улыбочкою, съ поклономъ—словно маска надѣта на физіономію... Всѣ ихъ чувства, всѣ помыслы подъ личиной скрыты, а тутъ вдругъ все разомъ наружу вырвалось... Натуры непосредственныя, держались-держались, а прорвалось у нихъ все, что подъ улыбочками и поклонами было скрыто, и убрать опять назадъ эти свои чувства уже не могутъ...

— Можетъ быть, вы и правы, Максимъ Леонтьевичъ,— слегка задумавшись, проговорила Варвара Павловна,—натуры у нихъ непосредственныя, дѣтскія, можно сказать, потомъ-же этотъ присущественный всѣмъ азіатамъ эгоизмъ...

— И замѣтьте себѣ, что никто изъ нихъ не отдѣляетъ себя отъ общаго дѣла... Кто—ихъ общему дѣлу врагъ, тотъ—и ихъ врагъ личный...

— А я еще доложу,—воспользовался остановкою Токарева санитаръ,—что желтокожіе, что у насъ въ госпиталѣ, какъ-будто по-нашему понимаютъ!

— Будто?—удивился Токаревъ.

— Смѣю васъ увѣрить... Въ скрытіи это держатъ, а все-таки замѣтно.

— Я тоже это замѣтила,—подтвердила Варвара Павловна,— угадывать желанія другого такъ, какъ угадываютъ они, нельзя, нужно непремѣнно понимать, что говорятъ...

— Они у васъ откуда?—заинтересовался Токаревъ.

— Съ брандеровъ.

— Ну, что-жъ—моряки, да еще, можетъ быть, съ сѣверныхъ острововъ, а тамъ русскій языкъ все равно, что свой родной... Это вполнѣ возможно... Ну, кажется, все готово!

— Все, теперь и разговляться можно...

— Да ужъ пусть по русскому обычаю будетъ: крестный ходъ пройдетъ, пропоютъ «Христосъ воскресе», тогда и за разговѣны...

— Мы такъ всѣ и предполагали... Вы что, уходить, кажется, собираетесь?

— Пробѣгу тутъ поблизости, можетъ, и въ церкви побывать успѣю.

— А къ намъ-то?

— Тоже забѣгу...

— Смотрите, не опоздайте... То, что увидите, наградою вамъ будетъ...

— Знаю, знаю, что умилительное зрѣлище предстоитъ... Да вотъ человѣкъ о человѣческомъ и думаетъ: въ Питеръ телеграмму нужно послать... Дочь тамъ, обрадовать ее нужно...

— На телеграфъ, стало быть?

— На станцію!.. Разрѣшеніе на посылку у меня добыто...

— Съ Богомъ тогда! Смотрите-же, возвращайтесь.

Токаревъ пожалъ руку сестрѣ, кивнулъ головой санитарамъ и ушелъ.

— Добрый человѣкъ!—тихо произнесла вслѣдъ ему Варвара Павловна.

— Одно слово, благотворитель!—поддакнулъ ей санитаръ,—облагодѣтельствовалъ солдатишекъ и самъ-же радуется.

— Сердце уцѣлѣло—вотъ что...

— А съ рабочими прижимаетъ: гроша даромъ не дастъ... изъ заработка у бѣдняка утянуть старается... Кряхтятъ у него китайцы-то...

— Тамъ другое дѣло, тамъ онъ—купецъ, а здѣсь онъ—простой, добрый русскій человѣкъ...

* * *

Токаревъ въ это время торопливо пробирался по пустымъ улицамъ Артура. Идти приходилось далеко, извозчики уже разъѣхались по домамъ и волей-неволею приходилось шагать, вступая въ объясненія съ ходившими повсюду патрулями.

Максимъ Леонтьевичъ въ эти минуты весь былъ охваченъ хорошимъ, радостнымъ чувствомъ. Вліяніе праздника, праздника свѣтлаго, радостнаго, сказывалось. О переживаемой грозѣ старику совсѣмъ-совсѣмъ не хотѣлось думать, хотѣлось забыть все, что уже было, и жить однимъ лишь настроеніемъ этихъ мгновеній.

А пережито было уже много, слишкомъ много...

Первымъ днемъ этой печальной артурской Пасхи начинался третій мѣсяцъ войны.

За два мѣсяца и три дня до этого, Артуръ жилъ безмятежной чиновно-канцелярской жизнью. Канцелярскіе вершители судебъ русской крѣпости не видали собравшихся надъ ними грозовыхъ тучъ; въ ихъ бумагахъ все «обстояло благополучно», на этомъ и кончалось дѣло.

Историческая ночь 27-го января, чемульпоскій ужасъ этого-же дня всколыхнулъ все канцелярское болото; но было уже поздно, громъ грохоталъ, великаны артурскаго флота были искалѣчены, наступило тяжелое, грозное время.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ войны японцы произвели двѣ минныя аттаки на Портъ-Артуръ *), четыре раза бомбардировали его **) и дважды пускали брандеры ***), одиннадцать разъ дѣлали попытки прорваться на его внутренній рейдъ ****); вмѣстѣ съ тѣмъ, эскадра выдержала морской бой и сильную канонаду въ морѣ *****).

Все это свидѣтельствовало объ упорствѣ, съ какимъ японцы стремились овладѣть крѣпостью, а это было только начало, и Максимъ Леонтьевичъ, припоминая его, думалъ о томъ, какой-же будетъ конецъ всего этого... Думы были невеселыя, не было въ нихъ ничего такого, что давало-бы надежду на счастливый исходъ; напротивъ того, все складывалось такъ печально, такъ удручающе для русскаго самолюбія, что старику даже и думать не хотѣлось въ эти часы великой, святой ночи, когда весь православный людъ радовался торжеству высшей правды и любви надъ мракомъ и злобой, когда вспоминалось воскресеніе Христа, этого высшаго во всемъ человѣчествѣ самоотреченія ради пользы другихъ...

«Тишь-то, тишь какая!—думалъ Токаревъ:—нигдѣ не шелохнется ничего... нигдѣ ни огонечка... А японцы-то, можетъ быть, совсѣмъ близко, мы за разговѣны, а они тутъ какъ тутъ».

Однако, Токаревъ, подумавъ, сейчасъ-же рѣшилъ, что нападенія японцевъ въ эту ночь ждать нечего.

---

*) 27-го января, 12-го февраля.

**) 27-го января, 12-го и 26-го февраля и 9-го марта.

***) Въ ночь на 11-е февраля и въ ночь на 14-е марта.

****) 12-го, 13-го, 20-го, 26-го февраля, 9-го, 14-го, 15-го, 23-го (дважды), 25-го, 26-го марта.

*****) 27-го января и 26-го февраля.

«Народъ-то это сообразительный!—размышлялъ Максимъ Леонтьевичъ, приближаясь къ вокзалу.—Только ради того, чтобы поглумиться да безъ толка шума надѣлать, они себя безпокоить не будутъ... Знаютъ, поди, всѣ и Тогошка ихъ этотъ, что въ такую ночь у насъ всѣ на-чеку, потому что думаютъ, какъ-бы врагъ праздничной ночью не воспользовался... сторожатъ во всѣ глаза, такъ и соваться нечего! Эхъ, народъ!.. Сколько теперь здѣсь ихъ шпіоновъ—и сосчитать, поди, трудно».

Токареву припомнились его-же рабочіе-манзы, которыхъ онъ какъ-то засталъ за весьма страннымъ занятіемъ. Собравшись толпой на одной изъ высотъ, эти китайскіе рабочіе то вдругъ вытягивались въ одну линію, то сбивались въ одну кучу. Всѣ эти ихъ маневры имѣли строгую опредѣленность. Линія манзъ вытягивалась поочереди то вправо, то влѣво отъ средины ихъ толпы; Токаревъ, подсмотрѣвшій за этими людьми, примѣтилъ въ ихъ дѣйствіяхъ постепенность, періодичность и повторяемость. Онъ уже слышалъ кое-что ранѣе и теперь сообразилъ, что манзы представляютъ изъ себя не что иное, какъ живой телеграфъ, и ихъ маневры—условленные сигналы, за которыми гдѣ-нибудь наблюдаетъ дотошливый японецъ. Конечно, китайцы были разогнаны, но развѣ можно было усмотрѣть за ними и помѣшать имъ подавать сигналы не тѣмъ, такъ другимъ способомъ?

Потомъ припомнился Максиму Леонтьевичу другой случай, проскользнувшій незамѣтно. Въ Артурѣ говорили, что самъ адмиралъ Макаровъ, спѣша на «Аскольдъ», гдѣ онъ поднялъ свой флагъ, совершенно случайно наткнулся на приморской набережной на офицера-моряка, одѣтаго не совсѣмъ по формѣ. Чуть-ли не первый разъ въ жизни неформалистъ-адмиралъ обратилъ вниманіе на несущественное нарушеніе устава и остановилъ офицера, но, остановивъ и заговоривъ съ нимъ, Степанъ Осиповичъ сейчасъ-же увидѣлъ, что русская офицерская форма прикрываетъ японца-шпіона, пробравшагося въ Артуръ и остававшагося порядочное время не замѣченнымъ...

«Да это что еще!—вспоминалось Максиму Леонтьевичу,—а ихъ полковникъ генеральнаго штаба, что у насъ подрядчикомъ по уборкѣ мусора былъ... Вѣдь, всѣ мы его видѣли и никто и не зналъ, что это за птица... Чего лучше! Мусоръ возилъ за городъ, всѣ окрестности разслѣдовалъ, планы снялъ, а теперь чуть-ли не начальникомъ штаба при этомъ генералѣ—какъ его? Дай Богъ памяти... да, кажется, Ноги... Его еще, говорятъ, микадо подъ нашъ Артуръ посылаетъ для осады... Чего лучше—начальникъ штаба подъ осажденной крѣпостью каждую ложбинку, каждую тропку знаетъ... А, вѣдь, какъ это вышло? Ради пользы своего отечества не брезговалъ грязнымъ мусорнымъ дѣломъ заниматься»...

Телеграфъ былъ близко. Максимъ Леонтьевичъ ускорилъ шаги. На телеграфѣ его хорошо знали и депеша была скоро принята.

— Съ праздникомъ поздравляете, Максимъ Леонтьевичъ?—проговорилъ принимавшій телеграмму чиновникъ.

— Да, надобно; ежели тамъ, въ Петербургѣ, ничего отъ меня не получатъ, безпокоиться будутъ...

— Вѣрно, время тревожное.

— Тамъ, поди, теперь день еще бѣлый...

— День не день, а сумерки близко: на шесть слишкомъ часовъ впередъ живемъ... У насъ разговѣны сейчасъ, а тамъ и столы не думаютъ накрывать..

— Въ Питерѣ теперь суета!—вздохнулъ Максимъ Леонтьевичъ—на Невскомъ-то что теперь дѣлается...

— Дѣйствительно, кипитъ все...

— А у насъ тишина, ни огонечка! Всѣ, какъ улитки, подальше запрятались...

— Какъ не запрятаться, когда японцевъ съ часа на часъ ожидать можно! Такой они тутъ салютъ устроить могутъ, что небу жарко станетъ.

— Не устроятъ, не дураки они...

— Въ самомъ дѣлѣ!.. Тутъ Василій Васильевичъ предъ вами былъ...

— Верещагинъ?

— Да, онъ около насъ по сосѣдству и живетъ. На запасномъ пути вагончикъ ему поставленъ, въ немъ и обитаетъ...

— Славный человѣкъ!...—воскликнулъ Токаревъ,—вотъ ужъ истинно-русская душа. Когда онъ пріѣхалъ-то?

— Въ пятницу, кажется, а не то въ четвергъ... нѣтъ, въ пятницу. Такъ онъ сюда вотъ пришелъ, тоже супругѣ телеграмму посылалъ, такъ разсказывалъ про японцевъ—бывалъ онъ у нихъ! Хорошій, говоритъ, народъ, трудолюбивый, не пьяницы, разумники...

— Знаю я!..—сказалъ Максимъ Леонтьевичъ,—народъ, дѣйствительно, какого лучше и желать не надо.

— И чего это они зашебаршили только?

Телеграфисту было скучно и онъ былъ радъ отвести душу въ разговорѣ, но какъ разъ въ это время вѣтеръ пронесъ тихій, чуть слышный ударъ въ колоколъ, возвѣщавшій начало заутрени, и Максимъ Леонтьевичъ заторопился.

— Въ храмъ Божій спѣшите?—спросилъ, прощаясь, телеграфистъ.

— Хоть за крестнымъ ходомъ побыть-бы... Пропоютъ «Христосъ воскресе» и довольно.

— И разговляться сейчасъ-же?

— Не разговляться, а на разговѣны пойду...

— Къ кому?

— Въ госпиталь...

— Ахъ, да! Вы, вѣдь, благотворитель извѣстный. Пожертвовали, поди, христолюбивому воинству красное яичко...

— Не пожертвовалъ!—строго оборвалъ его Токаревъ,—а подѣлился со страдающими за отечество...

— Отъ щедротъ своихъ, стало быть...

— Не отъ щедротъ, а отъ всей души, потому что это—долгъ каждаго изъ насъ. Однако, прощенья прошу... Встрѣчайте праздникъ весело!

Максимъ Леонтьевичъ пожалъ руку телеграфисту и опять вышелъ на погруженную въ темь улицу.

Теперь онъ невольно обратилъ вниманіе на свѣтлую точку, казавшуюся чуть-ли не единственнымъ въ Артурѣ освѣщеннымъ окномъ. Штора не была спущена и за стекломъ виденъ былъ сидѣвшій у стола человѣкъ съ окладистой бородой и огромною лысиною на головѣ. Это былъ знаменитый русскій художникъ Василій Васильевичъ Верещагинъ. Онъ что-то писалъ, но около него лежали шляпа и пледъ. Очевидно, онъ собрался куда-то и наскоро дописывалъ послѣднія строки.

Токаревъ поглядѣлъ на художника и покачалъ головой.

«Беречь, да и беречь, какъ зѣницу ока, такихъ людей слѣдовало-бы,—подумалъ онъ,—совсѣмъ ему здѣсь не мѣсто быть. Долго-ли до грѣха?.. Да и то сказать! Какъ его удержать? онъ обстрѣлянный, самъ идетъ»...

Думая такъ, Максимъ Леонтьевичъ уже порядочно ушелъ отъ станціи и теперь уже чуть-ли не бѣжалъ, боясь опоздать къ крестному ходу.

«Только-бы услышать «Христосъ воскресе», а тамъ и въ госпиталь»,—думалъ онъ.

* * *

Въ госпиталѣ, куда такъ спѣшилъ Максимъ Леонтьевичъ, уже кипѣло праздничное оживленіе.

Палаты, гдѣ находились раненые во время отраженія японскихъ атакъ и въ бомбардировки, такъ и свѣтились огнями. Всѣ, какія только были налицо, лампочки электрическаго освѣщенія были зажжены, у коекъ появились свѣчи.

Ихъ свѣтъ, конечно, пропадалъ въ массѣ волнъ электрическаго свѣта, но колебавшіеся огоньки успокоительно, отрадно дѣйствовали на души страдальцевъ, заставляя ихъ забывать боль, напоминая имъ далекую молящуюся за нихъ родину.

Въ палаты были уже вкачены столы съ куличами, пасхами, крашеными яйцами, горами нарѣзаннаго ломтями мяса. Солдатики любовно поглядывали на нихъ и тихое удовольствіе и кроткая радость свѣтились въ ихъ глубоко запавшихъ глазахъ. Сердца ихъ бились ровнѣе, болевыя ощущенія становились не такъ остры, воспоминанія о пережитыхъ ужасахъ недавнихъ кровопролитій, о витавшей надъ ихъ головою смерти блѣднѣли, тихій миръ входилъ въ ихъ души и будущее не казалось уже такимъ безмѣрно грознымъ, какимъ оно еще недавно вставало предъ всѣми этими сраженными бойцами.

— Хоть-бы привелъ Господь разговѣться безъ помѣхи!—проговорилъ одинъ весь обмотанный бинтами солдатъ.

— Може, и приведется!..—отозвался сосѣдъ,—теперичка недолго осталось...

— Чего недолго?.. Долго-ли имъ-то подойти? Явятся—весь праздникъ намъ испортятъ, какъ снаряды швырять начнутъ...

— Да намъ что?—отозвался другой сосѣдъ съ противоположной стороны,—въ насъ не попадутъ... Это у Золотой горы да во флотѣ, дѣйствительно, и въ праздникъ не до праздника будетъ, а намъ-то что?

Забинтованный солдатъ сурово покосился въ сторону говорившаго.

— Ты, Васюхновъ, какой?—раздраженно спросилъ онъ.

— Это какъ такъ «какой»?

— А такъ: русскій?

— А то нѣтъ?

— И православный?

— Крестили по-православному...

— Такъ какъ-же ты, дурова голова, такія слова можешь произносить?

— Да что-же я!—смутился внезапно оборванный солдатикъ,—я, вѣдь, правду говорю.

— То-то, правду! Эхъ, жалко, встать вотъ я не могу, а то ужъ насыпалъ-бы я тебѣ за эдакую правду по пятое число.

— Да чего ты лаешься-то?—запротестовалъ, обидясь, сосѣдъ,—здѣсь, вѣдь, не взводъ, а палата, ты-же здѣсь не унтеръ-офицеръ Михайло Сковородинъ, а раненый, вотъ какъ и я... Тоже: «насыпалъ-бы»... Было-бы за что?

— А за то, что дураковъ всѣхъ надобно уму-разуму учить, что въ ротѣ, что въ палатѣ... Твоя рана тебѣ ума, видно, не прибавила... Да можетъ-ли быть на сердцѣ празднично, когда знаешь, что твои земляки-братья кровь свою проливаютъ?

Вонъ тутъ сколько всякой снѣди понасыпано, а развѣ хоть одинъ кусокъ пошелъ-бы въ глотку, если-бы знать, что вотъ-вотъ сюда товарища приволокутъ?.. Тутъ, братъ, не до разговѣнъ, не до лакомства... Понялъ, что-ли?

— По-онялъ! — недовольно протянулъ сосѣдъ и сразу перешелъ на другую тему: — и будь моя воля, взялъ-бы я этихъ японовъ и на сіи дни выставилъ-бы отсюда.

— Какихъ такихъ японовъ?

— Да что въ нашей палатѣ лежатъ...

— А тебѣ они чѣмъ помѣшали?

— Да не помѣшали, а нехристи они, вотъ что. Мы къ празднику готовимся, а они злобствуютъ. У насъ вотъ, поди, скоро «Христосъ воскресе» запоютъ, а у нихъ смѣшки начнутся... Да и глядѣть противно... Вотъ у меня рука съ ногой развороченъ осколкомъ, значитъ... А кто сей снарядъ пустилъ? Ихъ-же братъ желтокожій... За что про что я отъ него страдаю?

— Присягу на то принималъ, вотъ и страдаешь... Японовъ ты тоже не трожь: они — такіе-же воины.

— Вовсе не такіе-же, — запротестовалъ Васюхновъ, — носъ у нихъ не доросъ, чтобы такими-же, какъ мы, быть...

— Какъ такъ? — удивился Сковородинъ, — это ты тоже врешь; говорю: они своему микадѣ тоже присягу принимали, воевать, значитъ, съ нами до положенія живота, стало быть, и они — воины.

— Анъ нѣтъ! — не унимался Васюхновъ.—Ты мнѣ вотъ что скажи: мы-то — христолюбивые воины или нѣтъ?

— Христолюбивые...

— А они, японы-то?

Теперь настала очередь смѣшаться Сковородину.

— Оно, точно, — пробормоталъ онъ, — какъ-будто не тотъ коленкоръ выходитъ...

— Вотъ то-то и есть! — торжествовалъ Васюхновъ, — а ты: такіе-же они... Держи карманъ!

На нѣсколько мгновеній воцарилось молчаніе.

— И совсѣмъ я не понимаю! — разразился неукротимый Васюхновъ, — съ чего этотъ Кузьминъ съ нехристями нянчится... Гдѣ, со стороны поглядѣть, такъ задивуешься... Бралъ-бы примѣръ съ Бушуева... Тотъ япона такъ подъ бокъ и норовитъ! чтобы чувствовалъ, значитъ, свое положеніе и не шебаршилъ, пока лежать положили...

Сковородинъ, къ которому обращалъ эти слова Васюхновъ, ничего не отвѣтилъ и только, повернувъ голову, посмотрѣлъ въ сторону, гдѣ лежали на такихъ-же опрятныхъ, какъ и у всѣхъ, койкахъ трое раненыхъ японцевъ, снятыхъ съ брандера, затопленнаго выстрѣлами съ баттареи Золотой горы.

Въ той сторонѣ палаты, куда указывалъ Васюхновъ, около лежавшаго неподвижно на спинѣ японца хлопоталъ молоденькій солдатикъ Кузьминъ, стараясь поудобнѣе приподнять голову бѣдняка, чтобы напоить его теплымъ чаемъ, стоявшимъ на столикѣ въ жестяной кружкѣ. Японецъ весь былъ обвернутъ бинтами. Его подняли, всего страшно обожженнаго, безъ чувствъ на береговой отмели. Жизнь все-таки сохранилась въ немъ и бѣднягу отнесли въ госпиталь. Какимъ-то чудовищемъ онъ выглядѣлъ послѣ перевязки. Голова его была сплошь обмотана бинтами и только для глазъ были оставлены широкія отверстія, да еще ротъ не былъ прикрытъ бинтомъ, изъ-подъ котораго видны были неестественно вспухшія, всегда запекшіяся губы. Бѣднякъ былъ очень слабъ и доктора удивлялись, какъ еще онъ не умеръ, — такъ, по ихъ мнѣнію, должны были быть велики страданія этого несчастнаго.

— Это не изъ плоти и крови, изъ какой-то стали люди! — говорилъ, пожимая плечами, Крупенскій.—Всякій на его мѣстѣ давно къ праотцамъ отправился бы, а этотъ живетъ... да еще какъ живетъ-то... Страданія невыносимы, отъ него хотя звукъ-бы услышать... Только въ забытьѣ и стонетъ... Совсѣмъ изъ каленой стали существа.

Два другихъ японца были не такъ слабы, но тоже должны были переносить тяжелыя муки. Они, какъ и ихъ товарищъ, сносили муки молча. Никто въ палатѣ не слыхалъ отъ нихъ ни жалобъ, ни просьбъ. Да и всѣ они, какъ справедливо замѣтила Токареву сестра милосердія, походили на затравленныхъ звѣрей и каждый разъ, какъ къ нимъ подходили докторъ, сестра, служителя, встрѣчали ихъ такими полными ненависти взглядами, что подходившимъ невольно становилось не по-себѣ...

Только одинъ изъ всей палаты — Кузьминъ относился болѣе сносно къ «нехристямъ» и по-своему заботился о нихъ, въ особенности о томъ, который страдалъ отъ ожоговъ.

Кузьминъ уже оправлялся отъ ранъ, полученныхъ во время послѣдней бомбардировки, и выпросилъ у доктора позволенія уйти изъ своей палаты на заутреню въ пріемный залъ госпиталя, куда, впрочемъ, получили разрѣшеніе явиться всѣ державшіеся на ногахъ раненые.

Теперь солдатикъ торопился уйти и, спѣшно напоивъ бѣднягу-японца, обратился къ своему сосѣду — тому самому Бушуеву, о которомъ, какъ о заклятомъ врагѣ японцевъ, отозвался Васюхновъ.

— Смотри-же, Бушуевъ,— говорилъ онъ, — сдѣлай, какъ я прошу... Смири свое сердце... Господь-отъ тебя не оставитъ за это...

— Ладно, слышалъ!—отмахнулся Бушуевъ,—иди ужъ...

— Не оставь бѣднягъ... Самъ видишь, люди — они, и имъ такъ-же, какъ и намъ съ тобой, больно...

— Иди, иди! Сказалъ, такъ все сдѣлаю...

Кузьминъ, поправивъ одѣяло на обожженномъ японцѣ, заковылялъ изъ палаты.

— Эй-эй, Бушуевъ, никакъ ты теперь за няньку остался? —съ насмѣшкой выкрикнулъ изъ своего угла Васюхновъ.

— Молчи ты тамъ!—угрюмо отозвался солдатъ,—не твоего ума дѣло...

Онъ не безъ скрытаго намѣренія согласился на просьбы Кузьмина поприглядѣть за обожженнымъ японцемъ. До сихъ поръ Бушуевъ относился къ этимъ людямъ съ затаенной ненавистью, причину которой и самъ не могъ объяснить. Но, должно быть, на угрюмаго солдата, недовольнаго, озлобленнаго, произвело впечатлѣніе всеобщее ожиданіе торжественнаго мгновенія, когда пасхальная пѣснь напомнитъ всѣмъ, что воскресъ Христосъ, уничтоживъ Своею смертью смерть и даже уже мертвецамъ давъ свѣтлую радостную жизнь. Вспомнивъ объ этомъ, Бушуевъ, если и не смирился своимъ озлобленнымъ духомъ, то, по крайней мѣрѣ, самъ себѣ хотя на нѣсколько минутъ рѣшилъ дать душевный покой. Это рѣшеніе уже было принято, когда совершенно случайно его взглядъ упалъ на безпомощныхъ враговъ.

«Семъ-ка попробую и я, какъ это непріятеля добротой ничтожить!—подумалъ онъ.—Ежели изъ винтовки его устрѣлить или тамъ штыкомъ поработать—этому я обученъ, могу во всякое время, а вотъ и батька батальонный намъ при исповѣди все говорить, чтобы враговъ любить, добромъ ихъ пронимать... Вотъ это какъ сдѣлать? Кузьминъ вонъ проклятущему японцу — чтобъ ему сдохнуть! — пить подаетъ, съ ложечки кормитъ. Развѣ и мнѣ такъ попробовать? Можетъ, что и выйдетъ»...

И рѣшеніе, и самыя думы угрюмаго солдата были дѣтски-наивны, но и душа-то его, какъ у огромнаго большинства русскихъ людей, была дѣтски-проста. Злоба, доброта—все это было отраженіемъ непосредственнаго чувства и, зарождаясь въ силу какихъ-бы то ни было причинъ, быстро выростало, подчиняя себѣ всѣ остальные помыслы и душевныя побужденія.

Такъ было и съ Бушуевымъ въ эту ночь.

Когда Кузьминъ ушелъ, Бушуевъ перебрался на его койку и съ любопытствомъ принялся разглядывать несчастнаго японца, хотя, собственно говоря, разглядывать было нечего: бинты скрывали подъ собою все. Но если ничего не видѣли глаза солдата — безъ устали работало его воображеніе.

«Ишь, вѣдь, ты какой, поганецъ, щуплый, — размышлялъ Бушуевъ,—и всего-то мужичекъ-съ-ноготокъ, а тоже противу русскаго оружія воевать пошелъ... Взять-бы тебя да какъ блоху — подъ ноготь, мокренько-бы стало и больше ничего, а то тоже: воевать! Ошпарился на всѣхъ своихъ пунктахъ и лежи, какъ песъ, на своемъ гноищѣ... И ниско̀ль мнѣ тебя не жалко, потому что ты—врагъ... Води, води глазищами! Чего не видалъ? Морщишься? Болитъ, знать? Подѣломъ, не лѣзь на рожонъ... Что языкомъ-то по губамъ водишь?.. Пить, что-ли, хочешь? Такъ и быть, дамъ ужъ!»

Бушуевъ самъ съ трудомъ сползъ съ койки и взялся за кружку. Японецъ жадно слѣдилъ за нимъ своими лихорадочно сверкавшими глазами.

— Тре-ескай!—поднесъ солдатъ къ его запекшимся губамъ кружку.

Онъ слегка, самъ не замѣчая своего старанія, чуть-чуть приподнялъ японца.

— Ишь, прильнулъ-то какъ! горитъ, видно, все... Что? — Бушуеву показалось, что губы японца зашевелились. — Чего тебѣ? Да никакъ ты по-нашенски лопочешь?

Отставивъ кружку, солдатъ совсѣмъ склонился ухомъ къ губамъ бѣдняги и до его слуха долетѣло чуть слышно произнесенное по-русски слово:

— Благодару!

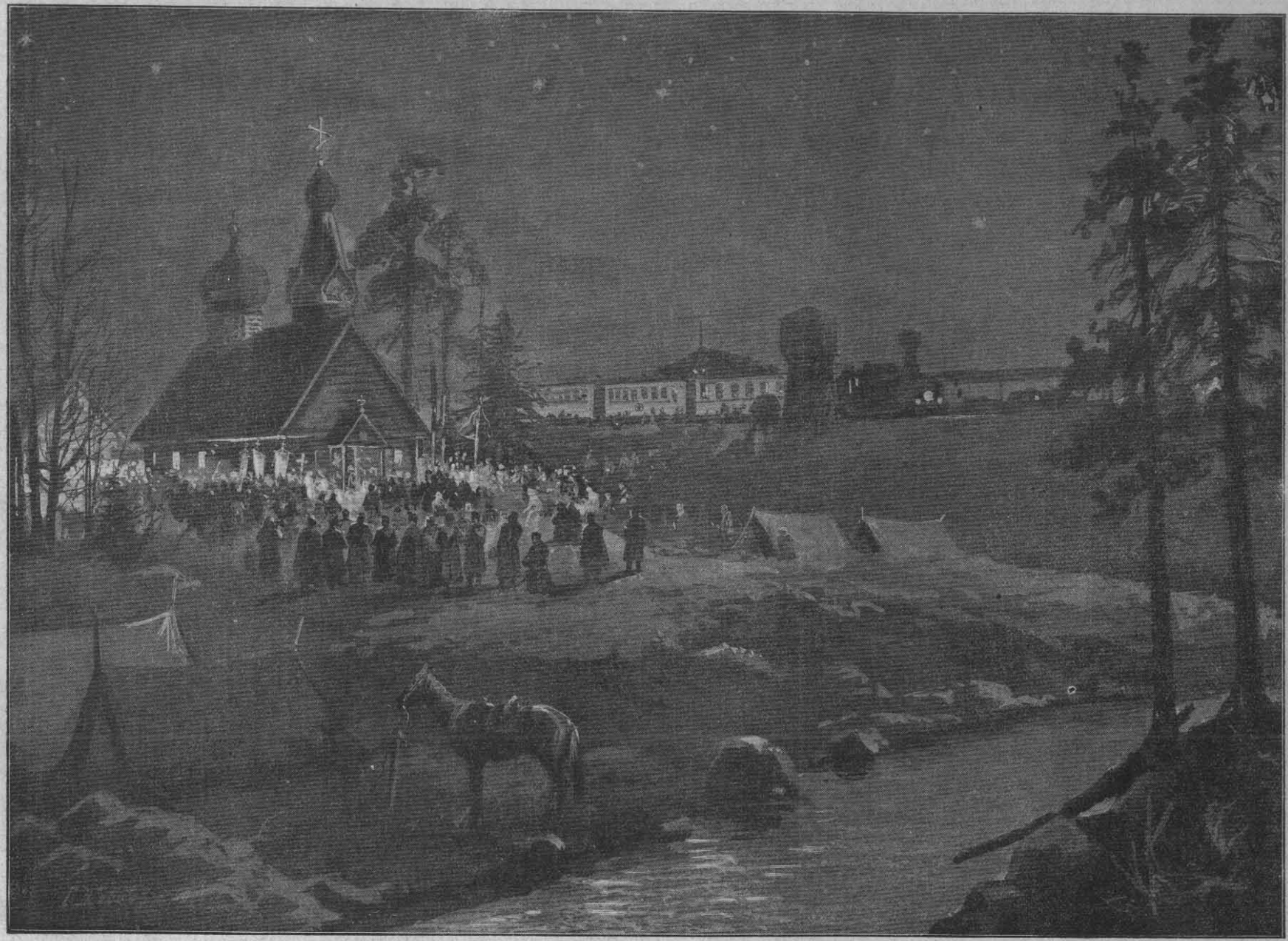
Бушуевъ въ изумленіи откинулся назадъ, чувствуя, что это слово сопровождалъ и умиленно-благодарный взглядъ страдальца.

— Да ты что-же это? — началъ было онъ, но какъ разъ въ это время вся палата сразу пришла въ движеніе.

Пока еще издалека едва слышно неслись звуки пасхальнаго пѣснопѣнія.

— Батюшка идетъ, «Христосъ воскресе» поютъ! — пробѣжалъ вдоль всѣхъ коекъ благоговѣйный шепотъ.

Всѣ, кто только могли держаться на ногахъ, стояли у коекъ; слабые приподнимались, чтобы увидѣть священника, услышать отъ него святыя слова. Бушуевъ одинъ стоялъ, растерявшійся, не знавшій, куда глядѣть — на священника-ли или на японцевъ. Ему показалось, что онъ спитъ и видитъ чудный сонъ. Только третій японецъ остался лежать неподвижно и даже отвернулся въ сторону, когда въ палатѣ показался священникъ. Зато его товарищъ, сдѣлавъ невѣроятное усиліе, вдругъ приподнялся и сѣлъ и — Бушуевъ видѣлъ это



ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ НА СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. Оригин. рис. С. **Животовскаго.**

совершенно ясно — осѣнилъ себя, чело, груль крестнымъ знаменіемъ. Обожженный тоже заметался на койкѣ и угрюмый солдатъ по выраженію его глазъ понялъ, что и онъ хочетъ приподняться.

Не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, Бушуевъ склонился къ японцу и, поднявъ, удержалъ его въ сидячемъ положеніи. Какое-то внезапное чувство вдругъ сдавило ему горло до того, что онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не расплакаться, и не расплакаться, именно, отъ умиленія. Солдатъ видѣлъ, что забинтованная рука страдальца медленно поднялась до высоты груди, и угадалъ по этому движенію, что японецъ хочетъ перекреститься.

— Христосъ воскресе, Христосъ воскресе! — раздался въ этотъ моментъ возгласъ священнослужителя.

Бушуевъ ясно разслышалъ, какъ японецъ отчетливо прошепталъ въ отвѣтъ:

— Воистину воскресе!

Крупенскій, шедшій рядомъ съ успѣвшимъ возвратиться въ госпиталь Максимомъ Леонтьевичемъ, видѣлъ все это и поспѣшилъ что-то шепнуть на-ухо батюшкѣ.

Тотъ быстро подошелъ къ обожженному японцу и громко спросилъ:

— Православный?

Обожженный слабо кивнулъ головой въ знакъ утвержденія.

— Христосъ воскресе! — произнесъ пастырь и протянулъ къ японцу крестъ.

— И мнѣ, и я!—раздался гортанный лепетъ другого японца, а обожженный, между тѣмъ, коснувшись своими распухшими, запекшимися губами креста, вдругъ откинулся на руки продолжавшаго поддерживать его Бушуева и весь страшно затрепеталъ.

— Ваше благородіе,—закричалъ Крупенскому Бушуевъ,— взгляните: кончается...

Докторъ склонился надъ страдальцемъ.

Тотъ что-то скоро-скоро лепеталъ, но Крупенскій все-таки могъ разобрать два слова:

— Воистину воскресе!

(Продолженіе будетъ.)

Просвѣтлѣніе великое.

Набросокъ А. И. Лаврова.

БЫЛА на Руси страшная пора: съ края до края тряслось московское царство, междоусобная смута вползла въ его предѣлы. Тушинскій воръ съ поляками и русскими измѣнниками одолѣвалъ несчастнаго царя Василія Ивановича Шуйскаго. Сапѣга и Лисовскій съ тридцатью тысячами всякаго сброда осаждалъ Троице-Сергіеву лавру.

Сплошнымъ, мѣстами змѣившимся кольцомъ окружали святую обитель осадные окопы, валы и лагерныя стоянки злыхъ нахвальщиковъ. Чудеснымъ богатыремъ стояла противъ нихъ обитель св. Сергія.

Яростные штурмы отчаянныхъ «лисовчаковъ», буйныхъ казаковъ, татаръ, измѣнниковъ-тушинцевъ, какъ волны моря въ бурю объ утесы берега, разбивались о монастырскія стѣны, съ которыхъ въ разгаръ самыхъ жесточайшихъ приступовъ вмѣстѣ съ каленными ядрами, потоками кипящей воды и горѣвшей смолы неслась прямо въ лицо неистовымъ врагамъ слава святому угоднику Сергію...

Лавра, какъ островъ среди разбушевавшагося въ ураганъ моря, стояла незыблимо, храня своею несокрушимою крѣпостью послѣдніе устои московской Руси.

Богатырь-обитель, однако, изнемогала...

Въ Великомъ посту сплошное недоѣданіе, скверная попортившаяся, то и дѣло «зацвѣтавшая» вода, невозможная скученность народа, въ огромномъ количествѣ набившагося въ сырыхъ, тѣсныхъ лаврскихъ подвалахъ и казематахъ, множество раненыхъ вызвали въ осажденной обители новыя бѣды.

Среди защитниковъ лавры развились всякія болѣзни и, главнымъ образомъ, цынга... Въ станахъ осаждающихъ тотчасъ-же узнали объ этомъ, и началось великое ликованіе. Не могли осаждавшія рати взять обитель приступомъ, такъ теперь великій изморъ отдавалъ ее въ ихъ руки. Считали уже дни, въ которые, по предположеніямъ осаждавшихъ, обитель должна была пасть, и уже увѣренно толковали о томъ, что къ Пасхѣ или, позднѣе всего, на Пасхѣ побѣдителямъ можно будетъ шумнымъ пиромъ въ архимандритскихъ покояхъ отпраздновать, наконецъ, давножданную побѣду...

Въ одинъ изъ дней, приходившихся по расчету на конецъ Страстной недѣли злополучнаго для Москвы 1607 г., послѣ ночной вылазки изъ лавры, въ станъ осаждавшихъ казаки притащили истекавшаго кровью плѣнника. Для него былъ уже близокъ роковой часъ, но онъ былъ въ сознаніи и успѣлъ, умирая, кинуть прямо въ глаза окружающихъ его русскимъ измѣнникамъ рядъ жесточайшихъ укоровъ.

«Псы смердячіе,—захлебываясь и сплевывая кровь, съ злобнымъ гнѣвомъ выкрикивалъ онъ,—Бога позабыли, Іуды окаянные!.. Страстные дни стоятъ, благочестивые иноки у плащаницы молятся, а вы кровь русскую льете... Христу Богу воскреснуть не позволяете!»

Несчастный не успѣлъ договорить и умеръ...

Эта смерть, вѣрнѣе, предсмертные укоры защитника святой обители произвели впечатлѣніе на всѣхъ, кто только слышалъ ихъ.

«И вправду псы смердячіе мы,—думалъ, проходя къ своему шатру, молодой стрѣлецкій сотникъ Архипъ Останкинъ,— страсти Господни теперь, Христосъ на голгоѳскомъ крестѣ мучится, а мы-то, мы! Противъ Него идемъ! Противъ Него, Батюшки... Онъ за насъ пострадалъ, а мы вона какъ... Его святую обитель разорить хотимъ... боемъ на нее идемъ... Въ обители Христа хоронятъ, а мы здѣсь лихія поляцкія пѣсни горланимъ; иноки теперь и хлѣба-то въ умаленіи вкушаютъ, а у насъ съ утра до ночи пиръ горой... Скороми всякой груды наворочены... Э-эхъ, не ладно это мы»...

На душѣ молодого стрѣльца стало невыносимо тяжело. Словно тяжесть какая вдругъ навалилась, дышать мѣшаетъ, сердце останавливаетъ и отъ этого на душѣ тоска, а отъ тоски умъ мутится.

— Что, братъ, словно подбитая ворона глядишь?—остановилъ Останкина пріятель, тоже стрѣлецъ, Ѳедька Фроловъ, перебѣжавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы къ Тушинскому вору.—Поглядѣть на тебя—воть-вотъ заплачешь!

— И то слезы лить хочется...

— Да ну! съ чего-бы?

— Объ обители думаю...

— А чего-жъ о ней думать-то? Думай не думай, а скоро наша будетъ... Ужъ изморомъ-то непремѣнно возьмемъ... То-то поживимся! Всякаго тамъ добра для насъ припасено видимо-невидимо...

— Для насъ-ли?

— А для кого-же еще? Нешто не мы стараемся? Вѣдь, ежели взять только ее, обитель-то, и Москвѣ конецъ...

— То-то конецъ! — угрюмо проговорилъ Архипъ, — еще когда-то онъ будетъ, а мы вона тоже, поди, православные... Эдакіе дни великіе, Пасха Господня, а мы и звона не слыхали, не то чтобы въ храмѣ побывать... Окаянными живемъ.

Фроловъ зорко поглядѣлъ на пріятеля.

— Эге, братъ,—протяжно, но вполнѣ серьезно проговорилъ онъ,—и ты по звонѣ-то соскучился... вона оно что!

— Соскучишься, коли душа мятется... Православная, вѣдь, она, душа-то у меня, не басурманская какая... Таково-ли прежде бывало? Хотя-бы и прошлую Пасху...

— Ты слушай-ка! — таинственно пригнулся къ нему Ѳедька, — вѣдь, не ты одинъ по звонѣ тоскуешь... Вотъ на что я—пропащая душа: въ матушку страстную среду съ поляками молокомъ оскоромился и убоину жралъ, а вотъ и у меня въ сердцѣ нудитъ... Тоже прошлые годы вспоминаю, какъ подъ Пасху утреню въ храмѣ выстаивалъ, какъ тамъ «Христосъ воскресе, смертію смерть поправъ» пѣли,—все вспоминаю, и нудитъ меня, и нудитъ, такъ-бы вотъ взялъ, да и побѣжалъ въ какую-нибудь церковушку...

— Вонъ ихъ сколько!—махнулъ Архипъ рукой въ сторону обители.

— Туда нельзя намъ... — забормоталъ Ѳедька,—нельзя'.. Отвергнулись мы, ну, и тянись до конца такъ во грѣхѣ.

Оба стрѣльца замолчали.

— А знаешь, Ѳедька, что?—вдругъ такъ весь и оживился Останкинъ.

— Что?

— Пойдемъ мы въ Святую-то ночь звонъ слушать...

— Куда?

— Воть куда! Къ обители... Тамъ горка есть, такъ мы на нее заберемся и постоимъ... Будто и у заутрени побывали... Все на душѣ легче будетъ...

— А и вправду!—забормоталъ Фроловъ,—тутъ наши еще есть, которые по звону скучаютъ... Такъ всѣ и пойдемъ...

Сильна оказалась связь съ прошлымъ. Останкинъ и Фроловъ подѣлились съ немногими своею мыслью идти въ Христову заутреню слушать пасхальный звонъ, но ихъ слова пошли изъ устъ въ уста, и на горушку, съ которой, какъ на ладони, была видна осажденная обитель, въ великую Святую ночь собралась порядочная толпа. Всѣ эти люди, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе, когда достанутся въ ихъ руки несмѣтныя, какъ они были увѣрены, богатства лавры, теперь и не думали о предстоящей наживѣ. Глубокое благоговѣйное чувство владѣло ихъ сердцами. Осажденная обитель манила ихъ уже не своими сокровищами. Предъ ихъ глазами ярко

Сканирован rodukorer rutracker.org

рисовались до тѣсноты переполненный богомольцами храмъ, тихо мерцающія лампады, ряды иноковъ, громко поющихъ побѣдную пѣснь Христова Воскресенія, и ледъ, окружавшій толстымъ слоемъ ихъ сердца, таялъ, таялъ съ быстротою; зарождалось сожалѣніе о томъ, что всѣ они встали съ мечемъ на обитель, а это сожалѣніе быстро переходило въ раскаяніе...

Въ этихъ грубыхъ, погрязшихъ въ кровопролитіи, грабежахъ, насиліи душахъ свершался самъ собою великій переворотъ. Память воскрешала въ нихъ всѣ подробности прошлой жизни, когда въ душѣ каждаго изъ нихъ парили безмятежный миръ, счастливая радость, и совершенно невольно являлось сопоставленіе между прошлымъ и настоящимъ. Въ первомъ были покой, счастье, во второмъ — буря, мятежъ, невыносимая тоска, сознаніе преступленія и предъ родиной, и предъ своими-же земляками, отстаивавшими ее, униженную, потрясенную злобными внутренними и внѣшними врагами...

Первый внѣшній толчекъ заставилъ-бы вырваться наружу эти сразу скопившіяся чувства...

Тихій, словно крадущійся ударъ въ колоколъ донесся отъ лавры до пригорка.

Въ огромномъ большинствѣ церквей того времени колокола подбирались съ особенною тщательностью. Вѣдь, это былъ единственный ударный музыкальный приборъ, съ которымъ были знакомы тогдашніе русскіе люди. Звонари изучали звонъ, какъ своего рода искусство, и оттого-то даже теперь русскій человѣкъ любитъ слушать, какъ звонятъ въ колокола. Мирные гулкіе звуки льются ему въ душу, будятъ въ ней многое, что казалось давно похороненнымъ, заставляютъ встряхиваться, бодрятъ...

Такъ было и теперь.

За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй; при третьемъ всѣ головы обнажились, руки сами творили крестное знаменіе, уста шептали слова приходившихъ на память молитвъ.

— О, Господи! — вырвался совершенно невольно вздохъ изъ груди Останкина, — началась утреня, крестный ходъ пойдетъ сейчасъ воскресающаго Христа искать, а мы...

Онъ не договорилъ.

— Мы, какъ тати въ ночи, собрались, — подхватилъ его фразу Ѳедька, — подойти не смѣемъ, ко Христу Спасителю приблизиться не можемъ!.. Хуже разбойниковъ мы...

Фроловъ замѣтно волновался. Говорилъ онъ громко и среди ночной тишины каждое его слово звучало съ особенною ясностью. Въ голосѣ стрѣльца слышно было глубокое душевное волненіе и оно невольно передавалось всѣмъ, кто слышалъ сказанное.

— О, Господи! — раздался шепотъ, — какъ тати...

— А тамъ-то, въ обители, — прозвучалъ въ темнотѣ другой голосъ, — небось, радость...

— Еще-бы! Великаго Христова праздника дождались.

— Еще-бы имъ не радоваться! — съ энергіей воскликнулъ Останкинъ. — Они-то со Христомъ... Его защитники!

— Противъ насъ! — вздохнулъ Фроловъ и замолчалъ.

Лаврскій звонарь былъ великій искусникъ. Онъ, очевидно, старался звонить какъ можно тише, чтобы не привлекать вниманія осаждающаго сброда, но звонъ у него выходилъ все-таки торжествующе радостнымъ, «малиновымъ», какъ уже и въ то время называли его. Звуки то замирали, то росли.

— Крестный ходъ идетъ! — тихо проговорилъ Фроловъ.

Опять обнажились головы, опять замелькали руки, творившія крестное знаменіе, и снова воцарилась томительная тишина... Каждый отдавался въ эти мгновенія своимъ думамъ.

Звонъ уже стихъ, на востокѣ заалѣла полоса разсвѣта.

— Христосъ воскресе! — робко выговорилъ Останкинъ.

Ему никто не отвѣтилъ.

«Не смѣютъ и «воистину» сказать, вотъ какъ проняло!» — съ горечью подумалъ Архипъ и вдругъ услышалъ, что Фроловъ заговорилъ, заговорилъ горячо, съ одушевленіемъ.

— Православные! — быстро выкрикивалъ онъ, — вонъ солнышко всходитъ, Христосъ воскресъ, а мы и «воистину» не говоримъ. Да что-же это? Или мы — бусурмане некрещенные? Вѣдь, недаромъ сюда собрались мы. Господь насъ собралъ и привелъ сюда... Домъ святого преподобнаго Сергія предъ нами... Тамъ-то Христосъ воскресъ, а мы стоимъ и понурились. А все потому это, что осмѣлились дерзнуть мы на святыню православную, что и говорить — великая смута въ нашей землѣ развелась... Большое шатаніе идетъ повсюду, но не погибла еще земля наша русская... Намъ-ли доканывать ее, страдалицу? Не встать-ли и намъ на защиту православной вѣры противъ враговъ лютыхъ? Не бросить-ли намъ супостатовъ-измѣнниковъ, терзающихъ родину нашу, и пойти къ братьямъ, что крови не жалѣютъ ради земли нашей... Вѣдь, и мы, и они — ея дѣти, такъ дѣтямъ-ли горе да муки матери милой усугублять... Слышите, слышите? — протянулъ онъ руку въ сторону ярко освѣщенной лучами восходящаго солнца обители. — Преподобный Сергій зоветъ насъ.

Изъ лавры раздавались гулкіе мѣрные удары большого колокола. Началась пасхальная обѣдня.

— Идемъ, братцы, — воскликнулъ Останкинъ, — идемъ всѣ, умремъ за домъ преподобнаго Сергія, за страдалицу родину нашу! Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ! — вся, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтила безмолвная дотолѣ толпа.

Обѣдня въ соборѣ была близка къ концу, когда архимандриту сообщили, что изъ вражескаго стана пришли невѣдомые люди и просятъ принять ихъ въ обитель. Ихъ пустили.

Это были Останкинъ, Фроловъ и всѣ тѣ, кто пришелъ послушать на горку предъ обителью пасхальный звонъ...

КОНЕЦЪ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Съ праздничнымъ привѣтствіемъ. (Къ рис. на стр. 481.) «Христосъ воскресе!» Эти великія слова, вѣщающія міру объ обновленіи, произнесенныя такими полными жизни и радости чистыми устами молодой женщины, дѣйствительно, могутъ обновить и оживить. Впрочемъ, и отъ всей талантливой картины художника Г. Бухнера «Съ праздничнымъ привѣтствіемъ» дышитъ обновленіемъ, радостями жизни.

Пробужденіе весны. (Къ рис. на стр. 487.) Картина художника М. Левина будитъ такія-же чувства, какъ и картина художника Бухнера. Весна у художника олицетворена въ прекрасную женщину, пробуждающуюся отъ сна. Вмѣстѣ съ нею пробуждается окружающая ее природа. Начинаютъ зеленѣть травка, распускаться листики на деревьяхъ, наливаться бутоны цвѣтовъ. Весна встаетъ и съ нею оживаетъ природа. Можно-ли не радоваться веснѣ, можно-ли не привѣтствовать обновленія?

Весна любви. (Къ рис. на стр. 489.) И здѣсь весна! Кто не испыталъ на себѣ этой весны? Чье сердце хоть одинъ разъ въ жизни не билось любовью? Увы, многіе отъ этого святого чувства получили больше огорченій, чѣмъ счастья, но это уже не относится къ веснѣ любви. Весна любви — сплошное счастье.

Пасхальная ночь въ Петербургѣ. (Къ рис. на стр. 495.) Всюду на Руси святая пасхальная ночь носитъ на себѣ отпечатокъ особенной благоговѣйной торжественности. И даже холодный и серьезный Петербургъ, на которомъ вообще праздничныя настроенія мало отражаются въ эту святую ночь, какъ-бы перерождается. Движеніе по улицамъ города, обычно вечеромъ усиливающееся, въ великую субботу рано начинаетъ затихать. На лицахъ встрѣчающихся въ это время на улицахъ пѣшеходовъ незамѣтно, можетъ быть, для нихъ самихъ отражается нѣчто особенное, какъ-бы ожиданіе чего-то необыкновеннаго. На рисункѣ художника Зауерлендера наглядно изображено, что дѣлается въ Петербургѣ во время пасхальной заутрени.

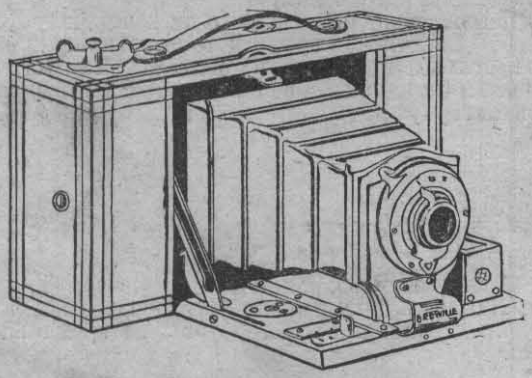
Солнце играетъ. (Къ рис. на стр. 497.) Народное повѣрье, что въ Свѣтлое Христово Воскресенье солнце при восходѣ играетъ, до сихъ поръ живетъ въ Россіи. До сихъ поръ всюду многіе въ этотъ день, придя отъ утрени, не ложатся отдыхать до тѣхъ поръ, пока не увидятъ солнечнаго восхода и не убѣдятся на самомъ дѣлѣ, что солнце при восходѣ, дѣйствительно, какъ-бы играетъ. На помѣщенномъ у насъ рисункѣ художника М. Андреева изображено, какъ въ древнее время наблюдали игру солнца въ Свѣтлое Воскресенье въ Москвѣ съ знаменитыхъ возвышенностей ея — Воробьевыхъ горъ.

Пасхальная ночь на Сибирской желѣзной дорогѣ. (Къ рис. на стр. 505.) Вторую пасхальную ночь на Сибирской желѣзной дорогѣ встрѣчаютъ при необыкновенныхъ условіяхъ. Гдѣ прежде можно было наблюдать только проходящіе мимо поѣзда, — тамъ теперь кипитъ жизнь. Маленькая деревянная церковь-школа (такія церкви по сибирской желѣзной дорогѣ фондомъ Императора Александра III-го выстроены на многихъ даже незначительныхъ станціяхъ), прежде видѣвшая въ своихъ стѣнахъ въ пасхальную ночь только желѣзнодорожныхъ служащихъ мѣстной станціи и крестьянъ изъ ближайшихъ селеній, теперь переполнена народомъ, среди котораго преобладаютъ военные. Это — отправляющіеся на Дальній Востокъ, на кровавый бой съ упорнымъ врагомъ русскіе воины.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А. Каспари. РЕДАКТОРЪ Ник. А. Каспари.

КОДАКЪ

СКЛАДНОЙ
КОДАКЪ
за 12 рублей.



№ 2. Складной Брауни Кодакъ.

Автоматическій затворъ съ ирисовой діафрагмой, выпукло-вогнутый объективъ автоматическая фокусная скала, вращающійся видоискатель, двѣ гайки для винта треножника. Заряжается катушкой на 6 снимковъ размѣра 6½×9 см. при дневномъ свѣтѣ.

Въ продажѣ у всѣхъ торговцевъ.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

251

СПБургъ, Б. Конюшенная, д. 1.

АКЦІОНЕРНАЯ КОМПАНІЯ КОДАКЪ

Москва, Петровка, д. 15—16.

Остерегайтесь поддѣлокъ!

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО ОТЪ ОБЫЧН. ЗАПОРА
Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
Не производятъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.
поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 28.
Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

НЕСТЛЕ
ВЪ Россіи исключительно въ запаянныхъ жестянкахъ
Въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Дѣтская молочная мука
Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ
Глицеро-вазелиновое мыло Молодости
А. СІУ и К°
МОСКВА. 20 коп. кус.

Сканировал rutracker.org